

127
14
XX
КЛИНИЧЕСКИЙ АРХИВ

Гениальности и Одаренности

(ЭВРОПАТОЛОГИИ)

ПОСВЯЩЕННЫЙ ВОПРОСАМ
ПАТОЛОГИИ ГЕНИАЛЬНО-
ОДАРЕННОЙ ЛИЧНОСТИ,
А ТАКЖЕ ВОПРОСАМ ПА-
ТОЛОГИИ ТВОРЧЕСТВА.

ВЫХОДИТ ПОД РЕДАКЦИЕЙ
д-ра Г. В. СЕГАЛИНА.

III
ВЫПУСК ТРЕТИЙ.

Том I.
1925 г.

Содержание 3-го выпуска I тома.

	Стр.
Отдел общей эропатологии.	
Д-р Г. В. Сегалин Психическая структура верореактивных типов . . .	153
Д-р Г. В. Сегалин Механизм выявления эро-активности у гениально-одаренных людей	169
Отдел Патографический.	
Д-р Н. А. Юриан Скрыбие, опыт патографии	67
Д-р И. Б. Галант О суицидомании Максима Горького	93
Д-р И. Б. Галант К психопатологии сновидной жизни Максима Горького	111

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАКТИЧЕСКАЯ МЕДИЦИНА“

Ленинград, проспект Володарского, д. № 49. ♦ Телефон № 5-42-39.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1925 г.
НА ЖУРНАЛЫ:

1. ПРАКТИЧЕСКАЯ МЕДИЦИНА.	
2. ВРАЧЕБНАЯ ГАЗЕТА.
Подписная цена на год—10 руб.
на 1/2 года 6 рублей.
Допускается рассрочка плат.:
при подписке 3—р., 1 февр.—2 р.
1 апреля—3 р., и 1 июля—2 р.	4. РУССКАЯ ОТО-ЛАРИНГОЛОГИЯ
Годовая подписн. цена—10 р.
Допускается рассрочка плат.:
при подписке—5 р., 1 февр. 3 р.
и 1 апреля—2 руб.
3. ЖУРНАЛ АКУШЕРСТВА и
ЖЕНСКИХ БОЛЕЗНЕЙ.
Годовая подписн. цена—10 р.
Допускается рассрочка плат.:
при подписке—5 р., 1 февр.—3 р.
и 1 апреля—2 руб.	5. СЛОВАРЬ КЛИНИЧЕСКОЙ
ТЕРМИНОЛОГИИ.
Составил проф. М. Я. Брейтман.
Подписная плата—6 руб., для
подписчиков вышеперечислен.
журналов—4 руб.

ГРУППОВАЯ ПОДПИСКА:

При групповой подписке (не менее 5 человек) допускается уплата подписной цены ежемесячными взносами с таким расчетом, чтобы вся подписная цена была уплачена до 1-го января. Представитель группы принимает на себя обязанности по сбору взносов и сношения с Издательством,

Дочья адресовать: Издательству ПРАКТИЧ. МЕДИЦ. Ленинград, пр. ВОЛОДАРСКОГО, 49.

~~127~~
~~14~~

XX 127
14

КЛИНИЧЕСКИЙ АРХИВ

ГЕНИАЛЬНОСТИ И ОДАРЕННОСТИ

(ЭВРОПАТОЛОГИИ)

посвященный вопросам патологии гениально одаренной личности, а также вопросам одаренного творчества, так или иначе связанного с психопатологическими уклонами.

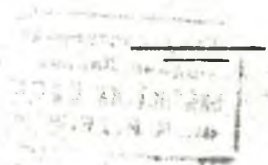
Выходит отдельными выпусками не менее 4 раз в год под редакцией основателя этого издания д-ра медицины Г. В. СЕГАЛИНА, завед. Психотехнической Лабораторией и преподавателя Уральского Политехнического Института.

ВЫПУСК ТРЕТИЙ.

Том I.

1925.

1/2 96625

СКЛАД ИЗДАНИЯ

„Практическая Медицина“

Ленинград, проспект Володарского № 49.

Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СФОР
им. В. И. ЛЕНИНА

XXVI-13
(серокония)

~~134022 48~~

Психическая структура эвро-реактивных ТИПОВ.

Доктора Г. В. Сегалина.

Под генио-реактивными (или эвро-реактивными) типами людей, мы называем те биологические типы людей, которые, при известных условиях биологического и социологического порядка, могут реагировать тем или иным видом одаренности, начиная с высшего типа гениальности и кончая всякого рода талантливостью и феноменальной одаренностью. Эвро-реактивность есть та специфическая особенность, которой эвро-реактивный тип отличается от всех других людей—не эвро-реактивных. Следовательно, не эвро-реактивный тип людей есть просто психически реагирующий на всякого рода внешния раздражения постольку, поскольку ему нужно реагировать для своих ежедневных жизненных потребностей, вытекающих из его биологических и социологических условий жизни. Как таковой, т.-е. как единица коллективно-организованной группы, нормально-психически реагирующий человек тратит свою психическую энергию, лишь постольку, поскольку это целесообразно, экономно для него самого и для всего био-социального целого. Таковым он выработался филогенетически и таковым он остается онтогенетически. Для этой цели, т.-е. для такой строго нормализованной психической реактивности у него и выработался соответствующий же нормализованный психический аппарат, так называемый аппарат сознания. Строго централизованный и строго сочетательный аппарат сознания имеет также определенную пропускную способность. Психическая реактивность этого и регулирующего аппарата имеет свои максимумы и свои минимумы, т.-е. рассчитан на воспринимание внешних раздражителей определенной величины и интенсивности, чтобы в свою очередь, также быть психически реактивными определенными величинами и интенсивностями. Аппарат сознания как центральный регуляторный аппарат ни больше, ни меньше, определенных величин не пропускает, если бы даже психическая энергия в подсознательных аккумуляторах была бы больше.

Достигается эта экономия и регуляция психической энергии тормозящими свойствами аппарата сознания. Эпистатические свойства аппарата сознания—есть эта тормозящая система. Психический аппарат нормального человека характеризуется именно этими эпистатическими свойствами.

Помимо такого регуляторного значения в смысле экономии расходов психической энергии, эпистатический аппарат психики имеет еще и другое значение: он способствует кумуляции той психической энергии, которая не истрачивается, и сохранению той энергии, которая раньше не тратилась. О значении эпистатического аппарата при кумуляции психической энергии—будет речь впереди, здесь же мы подчеркнем только, что в нормальной психике эпистатический механизм психики является господствующим.

Другое дело эвро-реактивный тип человека. Тут мы имеем совершенно другой тип строения психического аппарата, другую структуру. Как мы уже указывали в наших работах *)—эвро-реактивный человек есть биологический результат 2-х биологических компонентов: компонента родового психозизма и компонента родовой одаренности, поэтому структурная сущность такого эвро-реактивного типа должна также состояться из этих 2-х компонентов. То-есть, иначе говоря, психическая структура эвро-реактивного типа, как в его эпистатическом аппарате так и в других его психических свойствах, будет непременно зависеть от этих 2-х входящих компонентов. О том, как эти 2 момента входят и влияют генетически мы говорили в другом месте **).

Здесь мы перейдем к изучению этих компонентов в отдельности, как входящих структурных элементов в психике эвро-реактивных людей, а также изучим взаимоотношение этих структурных элементов между собой, что мы собираемся сделать в целом ряде работ. Мы себе ставим целью в этой работе проанализировать структуру эвро-реактивных людей постольку, поскольку в них входит компонент одаренности (кумулятивный компонент), к чему сейчас и перейдем.

Кумулятивный компонент одаренности.

Если мы говорим, что латентная одаренность есть необходимое условие для того, чтобы была активная одаренность, то спрашивается откуда берется эта латентная энергия. Тут мы не можем иначе допустить, как существование аккумуляции этой энергии. Мы уже неоднократно, в других наших работах, говорили о кумулятивной энергии, о «кумулятивном компоненте», как о некотором факторе, существующем как гипостатическое начало, т.-е. как заторможенное, скрытое начало нормальным образом не могущее быть активным, благодаря торможению эпистатической психики.

*) Гипостатическая реакция гениальной одаренности. Кл. Архив Ген. и одаренности выпуск I—1925 г.

***) Также см. Патогенез и биогенез великих людей. Кл. Архив гениальн. и одаренности, выпуск II 1925 г.

Здесь, в этой работе, остановимся на этом вопросе несколько подробнее. Мы попытаемся уяснить себе взаимоотношение аппарата сознания (или иначе говоря—эпистатического аппарата психики) к гипостатической психике, т. е. к скрытому психическому аппарату, находящемуся в заторможенном состоянии.

Рассмотрим сначала нашу эпистатическую психику, как нормальный аппарат сознания и отношение этого аппарата к подсознательному психическому аккумулятору.

Наш аппарат сознания, с точки зрения современного учения, мы можем рассматривать как некий регуляторно-сочетательный орган, находящийся между двумя *средами* и трансформирующей неизвестные нам энергии этих двух сред, в одну психическую амальгаму, называемую «сознанием».

Из этих 2-х сред *одна среда*—это тот внешний мир *настоящего*, непрерывно раздражающий, через посредство наших периферических органов, наш аппарат сознания и, таким образом, доставляющий свою часть материала в этот аппарат, для переработки его в нечто сознательно-синтетическое.

Другая среда—это психический клубок нашего кумулятивного опыта *прошлого* (как личного прошлого, так и родового и биологического), находящийся «внутри» нас и развертывающий непрерывно психическую энергию прошлого. Развертывая непрерывно эту психическую энергию, вторая среда доставляет, таким образом, аппарату сознания—другую часть материала для образования той психической амальгамы, называемой, «сознанием», которая является результатом синтетической переработки энергии двух этих сред.

Причем, эти элементы внешнего раздражения первой среды—являются всегда провоцирующим моментом для непрерывного развертывания элементов второй среды.

Так, например, услышав внезапно звон колоколов внешней среды, мы *осознаем* его, как таковой, лишь тогда, когда из нашего прошлого психического опыта (второй среды) выплывут элементы такого же психического опыта восприятия колокольного звона, сольются с новыми раздражающими элементами внешней среды, и, таким образом, составят ту психическую амальгаму *осознанного переживания* звона колоколов—как результат синтетической работы той пропускной системы, которая называется аппаратом сознания. Как работает эта пропускная система и каковы отношения ее к элементам первой среды—нас здесь в *данный момент* не интересует. Нас интересует сейчас вторая среда, находящаяся «внутри» нас—тот огромный «склад» психического материала (как активного, так и пассивного), в котором сложен наш опыт, в виде каких-то следов: опыт «воспоминаний», опыт забытый, опыт никогда не бывший «сознаваемым» (опыт наших предков, нашего рода человеческого и вообще весь тот психический опыт, что был вообще в животном мире до нас, в прошлом):

Весь этот опыт прошлого складывается в тот наш подсознательный аккумулятор психической энергии (накопленной нами в прошлом), благодаря которому элементы периферических раздражений первой (внешней) среды могут стать сознаваемыми, слившись, предварительно, с кумулятивными элементами этого аккумулятора в аппарате сознания, как через пропускную систему сочетательности.

Отношение этого кумулятивного прошлого к пропускной системе сочетательности—к аппарату сознания—мы можем образно сравнить с отношением сцены к закулисным сферам театра.

Все, что происходит на сцене сознания, есть результат закулисной обработки, закулисного приготовления подсознательного. Закулисная сфера—подсознание дает весь необходимый материал для сцены: артистов, освещение, декорацию, грим, костюмы и пр. Зрительная зала—раздражитель—провоцирует этот материал к появлению его на сцену. Пока весь материал за кулисами, он представляет из себя разрозненный элемент подсознательности. Но, как только этот материал попадает на сцену «сознания», из него, благодаря сочетательной работе режисера—сознания, образуется полный ансамбль, нечто синтетическое—связанное, нечто «сознательное» целое, хотя все таки нечто замаскированное этой обстановкой сцены.

Но как только эти элементы возвращаются обратно—за кулисы—они перестают быть замаскированными и переходят в свое разрозненное, калейдоскопическое и потенциальное существование.

Всякий хорошо знает, что не все участвующие в спектакле выходят на сцену. Наоборот, часто огромное число закулисных работников принимают активное участие в спектакле, но их совершенно не видно на сцене. Они остаются постоянными закулисными работниками. Да! можно сказать, что самая главная работа (подготовка) происходит за кулисами.

Точно также не все то, что есть и существует подсознательно делается обязательно «сознательным». Наоборот, огромное большинство психических элементов и переживаний существующих в нашем подсознательном так и остаются подсознательными и совершенно несознаваемыми.

Точно также, как многие театральные элементы (например: актеры, статисты и проч. живой материал) после игры на сцене переходят, хотя и в аморфное состояние, но все таки имеют свою частную организованную жизнь, так и психические элементы в подсознательной сфере имеют свою организованную жизнь в форме психических комплексов и целых систем таких комплексов, причем в психических процессах этой комплексивной жизни подсознательного имеются всегда атрибуты разумности интеллекта, атрибуты эмоциональности, а также волнения и хотения.

Как, и по каким законам происходит закулисная работа этих подсознательных психических элементов—мы рассматривать здесь не будем. Скажем только, что вся наша психическая личность—есть результат этого закулисного подсознательного аккумулятора, или, иначе говоря, видимая амальгама сил этого подсознательного аппарата, развертывающая свою кумулятивную психическую энергию, под влиянием внешних раздражений, внешнего мира.

Можно-ли представить нашу сцену без этих закулисных приготовлений? Можно-ли представить хорошую игру на сцене созвония без хорошей закулисной обработки, без хорошей группы, декораций и проч? Нет. Мы не можем себе представить ни одно явление «сознания» без подсознания.

Только наивный человек может думать что все, что происходит на сцене—есть доподлинная действительность, а не результат обработки закулисной действительности.

Убеждение в доподлинности игры на сцене говорит только за хорошую игру, за хороший ансамбль и постановку данной пьесы. И действительно, когда сцена и кулисы хорошо и в контакте работают, мы забываем о кулисах. Когда сознательный аппарат и подсознательное работают в контакте—мы не чувствуем нашего подсознательного, даже сомневаемся в его существовании, точно также, как здоровый человек не ощущает своих органов, но как только контакт между сценой и кулисами начинает хромать, (если, например, огромные размеры закулисных сил не соответствуют маленькой сцене)—мы невольно начинаем чувствовать закулисные сферы.

Точно также, если между аппаратом сознания и подсознанием нарушается контакт, или, если размеры и богатства подсознания не соответствуют аппарату сознания, тогда мы начинаем чувствовать это подсознание и его закулисную жизнь и не сомневаемся в его существовании, точно также как некоторые невротики определенно чувствуют границы своего сердца без знания анатомической локализации этого органа.

Итак, значит, вся наша личность есть результат нашего подсознательного аккумулятора психических элементов или, вернее говоря, результат развертывания той кумулятивной энергии, которая накоплялась как в онтогенетическом, так и в филогенетическом прошлом.

И в самом деле, что такое представляет из себя новорожденный ребенок негра и новорожденный ребенок европейца—как не два таких потенциальных аккумулятора, с различными потенциалами кумулятивной энергии, с различной способностью развертываться при одинаковых условиях воспитания, при одинаковых условиях внешних раздражений и при одинаковых условиях развития аппарата сознания (до наступления периода зрелости). Ясно, что вся психическая иерархия людей в отношении «способностей», «ума», «интеллекта» и проч. психических

качеств, основана на различных степенях силы кумулятивной энергии подсознательного аккумулятора, а роль «сознания» в отношении этой различной кумулятивной силы психики—есть роль символизатора и реализатора этой энергии. Однако, всегда имеется в гипостатической психике нормальных людей более или менее не разряженный материал. Неразряженный он оказался потому, что тормазы эпистаза не позволяют большего разряда, чем это нужно. Весь остаток благодаря этому остается скрытым. Но, оставаясь скрытым, он, как мы увидим дальше, не только сохраняется, но и продолжает расти, кумулироваться из маленьких элементов в нечто большое. Об этом будет речь впереди, но пока отметим здесь, что процесс кумуляции скрытых задатков свойственен каждому человеку, и что каждый человек выявляет не все то, что он в себе имеет, а лишь то ограниченное, что позволяет ему его эпистатический аппарат.

Теперь, посмотрим чем отличаются нормальные соотношения между этим подсознательным (аккумулятором) и аппаратом сознания.

Во-первых: кумулятивные силы, или кумулятивные психические элементы развертываясь в аппарате сознания, развертываются, так сказать, в такой ограниченной дозе, что соответствуют гармонично пропускной способности данного аппарата сознания, иначе говоря, кумулятивное развертывание психических элементов укладывается в данные рамки аппарата сознания. Ни больше, ни меньше.

Во-вторых: объем этого подсознательного аккумулятора настолько велик, что гармонично соответствует самому аппарату сознания.

Иначе говоря—сцена соответствует своим закулисным силам.

Сцена сознания, хотя и маленькая, вполне гармонично отвечает тем скромным требованиям закулисных сил, которые имеются в наличности, и режиссер сознания может правильно регулировать эти сочетательные соотношения для повседневных потребностей. Таковы нормальные соотношения в «нормальной» психике людей между аппаратом сознания (эпистаза) и подсознательным аккумулятором (гипостаза).

Отметим здесь, между прочим, что с того момента, когда эти соотношения в этой «нормальной психике» начинают нарушаться то—есть—когда кумулятивное развертывание подсознательного перестает быть сочетательным с аппаратом сознания—сочетательная работа режиссера сознания—нарушается, подсознательные психические элементы начинают действовать автономно, не считаясь, с одной стороны, с пропускной способностью аппарата сознания и с ограниченными объемными данными подсознания—с другой стороны; тогда перед нами выступает диссоциативная психика психо-невротика или психотика.

Эта диссоциативность может выражаться начиная с самых легких нарушений контакта между аппаратом сознания и подсознания (когда сами по себе эти органы не нарушены, нарушен

только контакт между ними), и кончая формами диссоциативности, когда уже нарушаются функции того и другого органа в сильной степени.

В легких случаях диссоциативности разворачивание кумулятивной энергии может быть еще интенсивнее и *помимо аппарата сознания* (при полной сохранности и целостности этого сознания), в тяжелых же случаях—разворачивание может перейти уже в беспорядочные и *бессистемные разряды* всего аккумулятора подсознания, разрушая на пути весь аппарат сознания.

В момент такой разрозненности гипостатического и эпистатического, когда оба аппарата работают автономно и бесконтрольно, все что есть кумулятивного в гипостазе начинает бессистемно выявляться (как это мы увидим после). Человек, до сих пор, в нормальном состоянии никогда не бравший в руки палитры, начинает в состоянии разрушения писать полотна, т.е. проявлять сильную энергию творческих наклонностей. Человек, до сих пор не имевший никаких научных наклонностей, начинает проявлять в бредовом состоянии тенденцию создать ту или иную системность своих комплексов, будь это религиозно-метафизическая система, будь это научная система (*perpetuum mobile*, квадратура круга) или какие либо другие.

Эти творческие тенденции—*есть гипостатические*, до сих пор скрытые свойства и выявляются теперь преждевременно как задаток творческий, недостаточно созревший, недостаточно кумулированный, архаический, а потому неполноценный. Но зато ценный в том смысле, что показывает нам во-первых, что у каждого человека есть нечто большее, чем он в психическом отношении проявляет при нормальном эпистатическом аппарате и, во-вторых, что творческая энергия у каждого человека заложена гипостатически и имеет тенденцию расти также гипостатически; чем и за чей счет питается этот рост мы ответим после, а пока перейдем теперь к выяснению тех же соотношений, т.е. соотношению эпистатического аппарата к гипостатическому у одаренно—гениальных людей.

Для этого сначала посмотрим—чем отличается структура подсознательного аккумулятора великого человека от подсознательного обыкновенного человека.

Если мы гипостатический аппарат гениально одаренных станем исследовать, то мы увидим следующее.

Гипостатический аппарат гениально-одаренного человека отличается тем особенным свойством, что обладает *огромным объемом кумулятивной психической энергии*, *огромным объемом психических комплексов*, который является необходимым условием для творческой работы гения. Чем мы докажем, что объем действительно гипостатически существует? Мы увидим далее из иллюстраций, приводимых ниже, что у таких людей, как только аппарат сознания, т.е. эпистатическая психика начинает разрушаться, так этот скрытый огромный объем, скрытый гипостатически, начинает выявляться наружу. Конечно, мы можем су-

доть об «огромности» объема подсознательных комплексов по выявляющимся результатам, ибо у человека обыкновенного, не имеющего такого богатого объема, при диссоциировании его психики, т.-е. при устранении тормазов элистаза, ничего кроме психотизма или психо-невротизма не будет.

Помимо того, симптомами большого объема кумулятивной одаренности являются еще следующие признаки: у людей с таким большим объемом подсознательных комплексов, эта кумулятивная энергия как бы пользуется всяким удобным случаем, каждой щелочкой, чтобы выползти наружу.

Если это сновидение, то такой творческий комплекс проявляется во сне. У таких людей часто творческие идеи и задачи решаются во сне. Если данный эвро-реактивный гип, с таким богатым объемом, есть тип легко диссоциирующийся т.-е. расщепляющийся, то подсознательные творческие комплексы выплывают у него насильственно, как параллельная мысль, как параллельный с переживаемым в данное время комплексом. Так, например, слушая музыку какого-либо автора, т.-е., переживая какой-то комплекс психический, параллельно с этим переживанием настраивается у такого типа и своя собственная музыкальная тема (или мысль), поющая как бы в унисон, благодаря слушаемй музыке, даже чуждой по духу, звучащему из подсознательного, своему мотиву. Точно также, во время чтения книги у таких субъектов в связи с этим рождается как бы комплекс своих мыслей совершенно новых. Таким образом, создается синкинетическое мышление. При слушании музыки синкинетическое звучание музыкального комплекса (или поэтического комплекса). Все эти творческие синкинезии служат симптомами и бывают на лицо у людей с гипостатически творческими залежами и богатым объемом подсознательных комплексов.

Если же имеется какое-либо резкое диссоциированное состояние: аутизм, расщепление личности, галлюцинаторное состояние, состояние опьянения и проч., то тут, тем более, эти комплексы, пользуясь, так сказать «психической трещиной» или «дырой» вылезают наружу как из тесной норы на поверхность, доказывая этим, что они находятся в огромном избытке и что им тесно в «гипостатическом подполье», настолько тесно, что они пользуются всяким удобным случаем, чтобы оттуда вырваться с динамикой «пробки, вылетающей из закупоренной бутылки». Конечно, у человека не имеющего такого богатого объема, этих явлений не будет.

Если мы спросим: откуда получает одаренный человек в подсознательном аккумуляторе своем такое богатое количество психического материала, откуда берет гениальный человек то богатство психического опыта, для приобретения которого иногда мало жизненного опыта 10 поколений, а не только 2—3 десятков лет, имеющихя в наличии у такого человека? Повидимому,

тем этого психического опыта далеко не совпадает с тем опытом, который приобретается им в период развития сознательного аппарата, сознательной зрелости).

Наоборот, мы часто видим, что чем моложе такой человек, тем чем у него меньше сознательного опыта, сознательной зрелости, тем более у него творческих ресурсов. Недаром говорят (Густав Шпигель, «Великие Люди»), что величайшие идеи рождаются в 30 лет.

Наконец, мы знаем, что огромное большинство великих людей проявляют свою одаренность в тот ранний детский период или юношеский возраст, когда аппарат сознания далеко еще не сформировался, между тем необычайное развертывание кумулятивной психической энергии, называемой гениальной одаренностью—имеется налицо. Наоборот, в огромном большинстве случаев, мы видим, что вместе с ростом и зрелостью аппарата сознания, энергия гениальной одаренности уменьшается в интенсивности или даже совсем прекращает свое развертывание. Это мы видим у многих «вундеркиндов». Напрасно хотят видеть многие авторы преобразование их одаренной энергии (в период сознательной зрелости) в неправильной эксплуатации этой энергии. Как мы увидим далее, не в этом кроется основная причина. Мы не хотим, только что сказанным, отрицать огромной роли аппарата сознания в творческой работе, мы хотим здесь указать лишь на небольшую роль аппарата сознания в *образовании источников* кумулятивной силы, называемой одаренностью. Мы хотим лишь подчеркнуть, что «сознательный» психический опыт меньше всех других источников психического опыта участвует в образовании того огромного объема психического материала, которым идет речь.

Наиболее важным источником богатства подсознательных комплексов, одаренный человек получает посредством подсознательного восприятия внешних впечатлений; подсознательное восприятие—т.е. восприятие внешних впечатлений совершенно несознанных нами есть способность, присущая более всего одаренным личностям и может у некоторых достигнуть невообразимых размеров. Здесь не место останавливаться на этом психическом процессе и на доказательстве того, что этот процесс действительно существует. Скажем только, что процесс подсознательного восприятия существует больше или меньше у каждого человека, а у высоко-одаренных этот механизм подсознательного восприятия построен так, что он впитывает неизмеримо-огромное количество внешних впечатлений, как губка впитывает воду, при этом, весьма часто—при наличии плохой «сознательной» памяти, плохого «сознательного» восприятия. При близком соприкосновении с этими людьми, невольно приходится поражаться как такой человек, с виду часто ограниченный, упорный, рассеянный, как будто не могущий воспринимать «сознательно» даже элементарнейшие вещи, потом, в своем творческом выступе, начинает развивать колоссальный, по количеству и по

качеству, опыт психический. Конечно, ничего с неба не валится, чудес нет. Подсознательное восприятие и психическая переработка этого материала в подсознательном у гениального человека—неимоверно огромна. Еще с самого раннего детства совершается этот колоссальный по размерам процесс. Количество воспринятых и подсознательно переработанных психических комплексов у такого ребенка как Гоголь—хватит на десяток поколений обыкновенных людей.

Итак, подсознательные восприятия есть крупнейший источник психического материала, которым оперирует подсознательная лаборатория даровитого человека. Этот материал и составляет источник психических комплексов, образующий тот большой объем, о котором была речь выше. Этот материал (также как и предыдущий) составляет, таким образом, материал восприятий в его подсознательном от окружающей среды, где совершается его онтогенетическое развитие.

Но существует еще более важный источник психического материала, без которого одаренно-гениальное творчество совершенно невозможно представить. Источник, который образует, так сказать, главное ядро одаренности и специфической одаренности. Этот источник уже не приобретает личным опытом (сознательно или подсознательно—как предыдущие два источника). Этот источник уже филогенетический, то-есть он составляется из психического опыта антецендентов, который кумулировался из рода в род в подсознательных аккумуляторов его предков, как специфический опыт, специфических комплексов (скажем, например, музыкальных комплексов). Этот кумулированный опыт предков, составляет, таким образом, кумулированный опыт филогенетической среды (в противоположность личному опыту онтогенетической среды). Таким образом, кумулированный опыт рода, проходя через опыты предков, в лице данного человека как бы сконцентрировался в одном фокусе. Так что роль среды тут двоякая. Онтогенетическая—прямая, непосредственная и филогенетическая—косвенная, через посредство антецендентов. На огромной роли среды (как филогенетической, так и онтогенетической) мы намеренно не останавливаемся здесь подробно, имея в виду вопрос разобрать в отдельной работе в близком будущем.

Этот кумулированный опыт предков, наследуемый гипостатическим аппаратом данного лица как уже готовое предрасположение—составляет то ядро одаренности, вокруг которого сгруппируется весь его, лично приобретенный, психический опыт, (т.-е. опыт, приобретенный путем подсознательных восприятий и путем «сознательным»).

Вот все, главные, источники психических комплексов, составляющих материал для образования того громадного объема заложенных комплексов в гипостатическом аппарате, о котором была речь выше.

Все вышесказанное относится к количественной разнице. Громадный объем «количества» психических комплексов, доставляющих громадную кумулятивную психическую энергию — составляет количественную разницу гипостатического аппарата великого человека от гипостатического аппарата обыкновенного человека. Теперь перейдем к качественной разнице. Если мы будем говорить о качественной способности гипостатического аппарата великого человека, то мы должны отметить, как необычайное свойство трансформацию огромного количества в огромное «качество». Этот скачек из «количества» в «качество» есть именно результат кумулятивного процесса. Мы не знаем механизма этой трансформации. Но мы наблюдали и знаем, что такие процессы происходят. Эти процессы перехода из «количества» в «качество» мы должны приписать особым кумулятивным свойствам психической энергии.

В нашем случае богатый объем психической энергии гипостаза имеет огромную кумулятивную энергию психическую, которой некуда деваться, не в чем вывить себя, чтоб как-нибудь разрядиться, так как то, что в повседневной жизни тратится и выявляется через аппарат сознания, недостаточно разряжает эту сгущенную психическую энергию. И вот тут то и выступает на сцену то необыкновенное свойство сгущенной (или кумулированной) психической энергии, которое мы обозначаем как *проявление кумулятивного свойства* гипостатического аппарата великих людей и благодаря которому эта кумулированная энергия и разряжается. О кумулятивных свойствах гипостатического аппарата психики мы сумеем составить себе представление, если мы вспомним аналогию с кумулятивными свойствами наперстянки. Терапевтам-врачам и фармакологам хорошо известны эти свойства, в силу которых маленькие терапевтические дозы этого лекарства имеют ту особенность кумулироваться и потом сразу вдруг проявить себя в виде большой сгущенной дозы, выходящей из пределов терапевтической в токсическую дозу.

Аналогично действию этих кумулятивных свойств наперстянки на сердце, психическая кумулированная энергия подсознательного аккумулятора гениально-одаренных людей обладает точно такими же кумулятивными свойствами.

Эти кумулятивные свойства подсознательного, как мы уже говорили выше, есть результат чрезмерного накопления (сгущения) чрезмерно большого объема гипостатического аппарата, не имеющие возможности разрядиться внутри, почему эти силы и ищут себе выхода через «качество». Как эти силы находят себе выход — скажем после, здесь отметим лишь, что появление этих кумулятивных свойств есть главное качественное отличие подсознательного великих людей от подсознательного обыкновенных людей; ибо благодаря этим свойствам необыкновенная синтетическая сила гениальных людей получает необыкновенную мощь и оригинальность.

Эти кумулятивные свойства гипостатического аккумулятора имеются также и у обыкновенных людей. Каждый из нас знает, как в повседневной жизни часто у нас накапливаются мелкие неприятные переживания, сначала мы их как бы не замечаем или намеренно на них не обращаем внимания, но, в один прекрасный день, по поводу какого-нибудь сравнительно ничтожного повода, мы вдруг разряжаемся таким сильным переживанием горя (или гнева), которое внешне совершенно не соответствует непосредственно его вызвавшей причине.

В данном случае мелкие переживания неприятного характера кумулировались в нашем подсознательном аккумуляторе постепенно, из года в год, а затем, в один прекрасный день, эта кумулированная в нечто большее энергия, начинает проявлять свои *кумулятивные свойства*, в виде большого разряда горя, или гнева.

В противоположность этой кумуляции неприятных переживаний, происходит гипостатическая кумуляция приятных переживаний или желаемых и мечтаемых переживаний.

Так, целый ряд мелких «удач» в делах в течение известного промежутка времени кумулируются в большую радость, как результат проявления кумулятивных свойств подсознательного. Так, в долгие годы, слабо лелеемая мечта в один прекрасный день выявляется внезапно, как сильное желание, которое превращает эту мечту в действительность, казавшуюся до сих пор неосуществимой. Кумулятивные свойства, кумулированные из частых мечтаний, проявляются уже теперь, как сильное желание и волевой акт. Тут как будто громадное количество маленьких травматизаций скопилось в одну большую травму. Но как здесь скопилось бесчисленное количество неприятных травматизаций, так, обратно, могут быть травматизации приятного характера.

Мы привыкли думать, что травматизация может только вести к невротизму (или психогизму). Мы говорим о травматическом неврозе (resp. психозе), но, мы с таким же правом, можем говорить о «травматическом эврозе», как результате «приятных», желаемых и сильно «мечтаемых» травматизаций «приятного» характера, происходящих изо дня в день и накапливаемых в одну большую кумулированную травму, которая затем выливается в «травматический эвроз».

Говоря здесь о «травматическом эврозе» мы имеем в виду нечто противоположное по своему качеству травматическому неврозу, не только по своей феноменологии, но и по своему образованию (так как «травматический эвроз» произошел от накопления приятных травматизаций, в то время как травматический невроз произошел от неприятных травматизаций). О травматическом эврозе мы будем говорить в другом месте и в одной из последующих работ

Понятно, что не все кумулированные желания и мечтания являются кумулятивными свойствами. Огромное большинство их сдается и вытесняется, и они (как это покажет время) продолжают кумулироваться в подсознательном проявляясь в патологических случаях. Как пример такого выявления кумулятивных свойств в патологическом состоянии, возьмем известный случай, приводимый Пьером Жане («Неврозы» Москва. 1911 г. стр. 5).

Один молодой человек 17 лет, служивший в аптеке и, повидному, мечтавший все время сделаться врачом (характерные мечты фармацевтов) заболел, после разных тяжелых переживаний, такими припадками: почти каждый день, часто даже по несколько раз в день, он бросает свои занятия, меняет позу и речь. Он стоит с открытыми глазами, с достоинством ходит посреди комнаты, затем останавливается у стены, постукивает пальцами, как бы паркутируя воображаемого больного, наклоняется, прикладывает ухо и выслушивает; потом выпрямляется и докторским тоном заявляет: «сегодня лучше, но у него еще сильный кашель и температура; слышны трескучие хрипы, знаете, как треск соли, брошенной в огонь, у него боль в боку, в голове; жажда, небольшое удушье; это бронхо-пневмония, воспаление верхних легкого. Пишите: тинктуру наперстянки 20 капель, порошки тиокола---чтоб зарубцовать легкое». Говоря это он обходит палату и продолжает свои демонстрации. Вот перед ним предпологаемый эпилептик: «Это, господа, идиопатическая эпилепсия... Пишите: калиум бромати, натриум бромати, калиум иодатум 6 граммов, сиропу горьких апельсиновых корок, 30 граммов воды, q. s. на 300 грамм» и т. д.

Все это он проделывает целые часы. Очевидно, он разыгрывает роль больничного врача, делающего обход своей палаты. Но спустя некоторое время он утомляется: говорит медленнее, закрывает глаза, потом несколько встряхивается и продолжает свои обычные занятия, даже не извинившись во всем присутствующим; когда же ему об этом напоминают, то он уверяет, что над ним смеются. Однако, немного спустя, припадок опять начинается, опять он в той же палате, с теми же больными, на тех же местах проделывает те же жесты, повторяет те же слова.

В приводимом случае мы видим как в течение, быть может, долгих лет кумулированная мечта превращает мечтателя в патологического реализатора этой мечты. Точно таким же образом кумулированные мечты людей о богатстве, о почестях, выявляются, как кумулятивная энергия в патологических случаях бреда величия, бреда богатства при прогрессивном параличе и других заболеваниях.

Но такое резкое проявление кумулятивных свойств—кумулятивных мечтаний и желаний (накопленных иногда поколениями) возможно только при разрушенном аппарате сознания, когда эта кумулированная энергия ничем не удерживается. В нормальных же отношениях кумулятивная энергия подсозна-

гениального, как мы уже говорили выше, разряжается лишь постольку, поскольку это нужно для повседневных потребностей. поскольку это возможно проявить через пропускную систему аппарата сознания.

Иначе дело обстоит с процессом кумуляции и проявлением кумулятивных свойств у гениально-одаренных людей. Тут мечты и желания специфического характера (скажем музыкального характера) кумулируются из рода в род, как предрасположения к такой мечтательности, к таким специфическим желаниям и травматизациям. Когда кумуляция таких желаний и мечтаний на каком-нибудь из потомков достигает достаточного объема и силы, тогда из пассивного желания она переходит в активное желание. Происходит такой процесс в подсознательном путем трансформации, когда мечтаемое входит и ассимилируется в состав личности мечтателя, точно также, как мечтаемые и желаемые свойства врача, кумулируясь, перешли в состав личности аптекарского ученика, в случае, приведенном Пьером Жане.

Когда такая трансформация в подсознательном уже произошла, тогда это кумулированное активное желание становится активным свойством данной личности, заставляющим его перейти к активности. т.-е. данное лицо перестает только мечтать, скажем, о музыке, но и пробует свои силы в музыке. Он становится мечтателем и дилетантом в музыке и эта склонность передается его потомкам, до тех пор пока она не кумулируется у кого-нибудь из потомков в определенные музыкальные способности, которые в свою очередь, кумулируются из поколения в поколение, как потенциальная сила таланта или даже гениальности. Когда же эта сила кумуляции достигнет определенного объема и когда условия для разряда этой огромной накопленной силы будут благоприятны, тогда начинают проявляться кумулятивные свойства этого родового аккумулятора, т.-е. *создадутся родовые условия родового подсознательного аккумулятора, который готов связать свои кумулятивные свойства в (форме гипостатической реакции гениальной одаренности *)*. Выявление этих кумулятивных свойств, т.-е. гениальной одаренности, может появиться вдруг, неожиданно, с необыкновенной синтетической силой **), как результат огромного объема накопления психического опыта в подсознательном. Только благодаря этим необыкновенным проявлениям кумулятивных свойств, проявлениям неожиданным, возможно понять внезапное появление гения в роду, с нарастающей или чаще скрыто-накопляющейся одаренностью. Точно также благодаря необыкновенной силе и интенсивности проявления этих кумулятивных свойств можно

*) См. I и II выпуск Кл. Архив Гениальности и одаренности 1925 г.

**) Это неожиданное, внезапное появление гения в роду его предков (негениальных) вызвало не мало ложных толкований по вопросам наследственности, и понятно, что без идеи проявления кумулятивных свойств родового подсознательного аккумулятора—объяснить внезапное появление гения никак нельзя.

понять ту синтетическую силу подсознательного у гения, которая дает необыкновенную, так нас поражающую способность синтезировать в нечто небывалое, новое, оригинальное, те психические комплексы, которыми и богата подсознательная лаборатория великого человека. Это и составляет качественное преимущество его гипостатической сферы.

Итак, из всего сказанного ясно количественное и качественное различие между подсознательным великих людей и подсознательным обыкновенных (не гениально одаренных людей).

Это различие сводится к следующему:

1. В количественном отношении: подсознательное гениально-одаренного человека отличается неизмеримо громадным объемом психических сил и комплексов, который является результатом родовой кумуляции психической энергии (специфической энергии).

2. В качественном отношении огромный объем с его кумулированной специфической энергией проявляет кумулятивные свойства—как стремление разрядить чрезмерно-скопившуюся энергию из подсознательного наружу, и это обстоятельство дает необыкновенную синтетическую силу подсознательному аппарату гениального человека.

Вот эти то, количественные и качественные, особенности и составляют особенности гениальной одаренности, кроющейся в этой особенной структуре подсознательной сферы великих людей.

Каков психомеханизм выявления этой гениальной одаренности мы увидим из следующей работы.

De

Механизм выявления эвро-активности у гениально-одаренных людей.

(Роль психотического фактора в этом механизме).

Д-ра Г. В. Сегална.

Теперь перейдем к изучению психотического компонента в «структуре эвро-реактивных типов, его роли в механизмах выявления этой одаренности. Мы можем говорить о роли психотического компонента в механизмах выявления одаренности в двойном смысле: во-первых, психотический момент может играть роль в процессах родового (филогенетического) выявления одаренности, во-вторых, психотический компонент может играть роль в процессах видового (онтогенетического) выявления одаренности (или выявления эвро-реактивности в собственном смысле этого слова). О роли психического компонента в процессах родового (филогенетического) выявления одаренности мы говорили в предыдущих наших работах *), поэтому мы отсылаем читателя по этому вопросу к этим работам. Вспомним только здесь, что точка зрения, которую мы там развивали, относительно роли психотического компонента в родовом выявлении одаренности, была у нас следующая. Психотический компонент, при процессах родового (филогенетического) выявления одаренности, способствует образованию новых генетических условий для создания новой психической структуры путем биологического сдвига этой структуры из одной формы в другую. Эта роль психотизма, в конечном счете сводится к диссоциирующей роли психотического момента, благодаря чему гипостатически заторможенные силы должны быть генетическим же путем диссоциированы таким образом, что эти гипостатические силы могут быть сдвинуты с мертвой точки в такую новую структуру, где бы они стали активными «реактивными», динамическими «живыми», а не скрытыми пассивными. Психотическое начало в этом случае играет роль «реагента» в некоей биологической реакции, которая трактовалась нами, в другом месте, как гипостатическая реакция **), результатом которой появляется реактивный тип с новой структурой, с новым механизмом выявления этой, до сих пор скрытой энергии.

Таким образом, ссылаясь здесь на соответствующие, вышеупомянутые работы, относительно роли психотизма в родовом выявлении мы здесь перейдем к вопросу о видовом (онтогене-

*) **) См. Патогенез и биогенез великих людей, Кл. Арх. гениальности. Выпуск I 25 г. и гипостатическая реакция гениальной одаренности там же, выпуск 2 1925 г.

тическом) выявлении одаренности, т. е. о роли психотического компонента, уже у эвро-реактивных типов, рожденных как таковые с готовыми данными для этой эвро-реактивности.

Какова же эта роль психотического у рожденных с этой новой структурой? Сыграло-ли эту роль психотическое начало или оно продолжает действовать? Из клинической патологии мы знаем как оно продолжает действовать отрицательно, но мы об этом отрицательном действии здесь говорить в обычно клиническом смысле не будем. Мы здесь учтем те положительные моменты психотического начала, которые будут играть роль дальше в онтогенетическом развитии эвро-реактивного человека.

В предыдущей работе мы указывали на все те свойства, которыми отличается психика великих людей. Но все эти, в предыдущей главе перечисленные свойства гипостатической сферы одаренного человека—еще недостаточны для акта творчества. Это еще только составляет гениальность в потенциале. Это еще, если можно так выразиться, замешанное тесто гениальной продуктивности, для которого необходимы еще дрожжи.

Необходим еще один фактор, который бы эту потенциальную кумулятивную энергию сделал бы кинетической. Тем более это необходимо, что огромный объем гипостатического материала подсознательного с его колоссальной, по интенсивности энергии, не может себе найти выхода при тех нормальных условиях скованного состояния, пока аппарат сознания нормирует строго сочетательно развертывание кумулятивного опыта психического в тех маленьких дозах, которые удовлетворяют только целесообразной потребности повседневной жизни.

С другой стороны малая пропускная способность нормального аппарата сознания сама по себе также служит тормазом для проявления кумулятивных свойств подсознательного аккумулятора, ибо структура аппарата сознания остается та же, несмотря на то, что кумулятивные силы выросли в нечто огромное и непропорциональное по размерам по отношению к аппарату сознания. *Иначе говоря (продолжая аналогию сцены и кулис) маленькая обывательная сцена не соответствует несерьезно огромным размерам и качественным силам закулисных сфер.*

В самом деле, в каком бы положении очутилась труппа актеров, имеющая в своем составе лучших артистов мира и вынужденная выступать на сцене, по своим размерам могущей удовлетворить лишь провинциальные любительские потребности.

Ясно, что такая труппа не может себя продуцировать в таких скованных условиях и будет стремиться найти другой выход из этого положения. Точно в таком же противоречивом положении находится гипостатическая психика гениальных людей со своим аппаратом сознания, и также ясно, что должен наступить момент, когда эти гипостатические силы будут стремиться

изменить самую пропускную систему аппарата сознания; иначе говоря, она будет стремиться проявить свои кумулятивные свойства через посредство другого психомеханизма.

Спрашивается, какая сила может изменить эти аномальные соотношения психики великого человека? Кто может взять на себя роль дрожжей для готового теста гениальности?

Ясно, что это может сделать только такой фактор, который совершает процесс диссоциации личности гениального человека, процесс расторможения кумулятивных сил от аппарата сознания. Благодаря этому получается новый психомеханизм пропускной системы, правда, психомеханизм аномальный, насильственный, часто разрушающий попутно самый аппарат сознания, но зато дающий выход скованным до сих пор подпольным кумулятивным силам гипостаза. Диссоциация личности— в форме ли явного психотизма, в форме ли психической аномальности или деффективности, служит той лазейкой, той дырой, через которую проникает творческая энергия и *тем служит положительным фактором*, в том смысле, что, разрывая сочетательную связь гипостатической сферы от задерживающих и контролирующих центров аппарата сознания—освобождает огромные залежи психических комплексов. Эти психические комплексы вырываются с титанической силой к автономности, к протесту, к творческой активности, захватывают и подчиняют и изменяют свой аппарат сознания настолько, что в лучшем случае ему отводится роль скромного сотрудника или даже наблюдателя в процессах творчества.

Роль насильственно диссоциативного момента в гениальной продуктивности здесь имеет полную аналогию, с таким же насильственно-диссоциативным моментом при механизме женских родов.

Плоду в утробе матери, в известный момент беременности, делается невозможным дальнейшая жизнь в таких условиях и для его выхода наружу к нему приходит на помощь насильственно диссоциативный момент со всеми неприятными и болезненными для матери последствиями (насильственные раз'единения и изменения тканей в организме матери, кровотечения, болезненные схватки и проч. симптомы родов). Точно также и здесь для гениальных «родов», насильственно-диссоциативный момент в известное время, когда плоду подсознательной кумуляции делается дальнейшее существование невозможным и ему нужен выход наружу, он производит для этого механизм насильственных изменений и раз'единений аппарата сознания от гипостатического аппарата. Все патологические симптомы и последствия сопровождают этот насильственный акт психической диссоциации. Таким образом, психотические симптомы, данные эвроактивному типу, как нечто конституциональное, служат ему диссоциирующим или динамизирующим фактором, открывающим «подвалы» кумулятивного богатства.

Вот эти то соотношения и дают паталогические симптомы психотизма (или психической дефективности), как обязательно-сопровождающий симптомы гениальности личности и гениальной продуктивности, как единый органически-целый синдром этой гениальной личности.

Эти соотношения и делают нам понятным ту загадочную связь между гениальностью и психотизмом, которая вызывала столько ложных выводов и заключений.

Итак, из всего изложенного, мы видим, что для онтогенетической эвро-реактивности необходима такая психическая структура личности: во-первых, необходимо, чтобы у этой личности был в наличии подсознательно-кумулятивный фактор, который в количественном отношении должен превосходить норму обыкновенных людей, (т.-е. людей не творящих), благодаря чему это количество-качество будет (обладая огромными кумулятивными свойствами) иметь тенденцию, как огромная кумулятивная сила, делаться эвро-реактивной; во-вторых, наличие большей или меньшей степени диссоциативного процесса психики, расщепляющего аппарат сознания от гипостатического подсознания, вследствие чего подсознательный аккумулятор как бы обнажается и делается активным для разряда.

Первый компонент кумулятивно-подсознательный, или назовем его просто кумулятивным компонентом, мы уже рассматривали в предыдущей главе с точки зрения его структуры, его образования количественных и качественных свойств. Изучение этих свойств должно быть поставлено, как одна из важнейших проблем эвропатологии, и именно в той концепции, как это было намечено выше. Изучение, таким образом, этого компонента нам дает ту часть симптомо-комплекса одаренности, которую мы обозначаем, как *кумулятивный симптомокомплекс одаренности* (или симптомы «плода»).

Понятно, что тот или иной характер кумуляции (зрительный, слуховой, смешанный) даст ту или иную специфическую кумуляцию или специфическую одаренность, а соответственно этому тот или иной кумулятивный тип одаренности. Отчего зависит та или иная специфичность этой кумуляции, мы здесь не будем рассматривать.

2-й компонент, который мы называем *диссоциативным компонентом*, и который по существу является активатором предыдущего компонента, даст нам на ряду с кумулятивным симптомокомплексом, *диссоциативный симптомокомплекс гениальности*.

Диссоциативный симптомокомплекс дает те симптомы психотизма или психической аномальности, которые принимались за дегенеративные симптомы у великих людей школой Ломброзо.

Характер и форма диссоциативного симптомокомплекса в свою очередь даст ту или иную структуру гениальности, как в отношении внешней формы, так и в отношении внешнего проявления. Так эпилептический симптомокомплекс диссоциатив-

ности даст совершенно другой тип механизма гениальности, нежели допустим шизофренический симптомо-комплекс диссоциативности.

Кумулятивные свойства подсознательного аккумулятора, сделавшиеся под влиянием диссоциативного момента эврореактивным и выявляются уже теперь, как соединенные вместе два компонента в одно целое, как «вдохновение», как «творчество», как «интуиция», иначе говоря, как творческий приступ, как «творческие роды».

В этом творческом приступе—роль первого компонента—кумулятивно подсознательного комплекса—проявляющего кумулятивные свойства—сведется к тому, чтобы дать *содержание* или «плод» в этих «родах» гениального творчества. Роль второго же компонента, диссоциативного, сведется к созданию динамики своего механизма «родов» и создания условий для появления на свет гениального детенца. Короче говоря—диссоциативный момент образует *Mechanismus Partus Ingenialis*, т. е. динамику процесса гениальных «родов». В последующих работах мы намерены подробнее остановиться на изучении этого *Mechanismus Partus ingeniialis* и на симптоматологии этого механизма, мы увидим, что механизм этих «родов» также имеет свои «нормальные роды» и свои «патологические роды». Но отнюдь это деление не совпадает с делением на «больное» и «здоровое» творчество, которое делается философско-психологическими «знахарями». Здесь мы пока только отметим основную и общую роль психотического компонента вообще у эвро-реактивных типов—роль эта сводится к созданию иных механизмов тем или иным путем диссоциированной психики, в целях освобождения скрытой заторможенной энергии одаренности.

Помимо этого основного значения психотического фактора, как фактора создающего сам по себе тот или иной механизм гениальных «родов» (resp. эвроактивности) психотическое начало смотря по тому к какому психотизму это начало принадлежит, может попутно быть тем или иным двигателем в этом механизме. Все те психотизмы, которые характеризуются повышением эмоционально-волевого аппарата психического, как например, маниакальные и гипоманиакальные состояния (resp. циклофренические и циклоидные состояния), точно также все те формы аффект-эпилептические и истерические состояния, дающие также повышенный эмоционально-волевой аппарат психический, дадут также при эвро-реактивных приступах («вдохновения»), повышенную гиперкинетическую динамику всех тех эвро-реактивных комплексов, долженствующих быть творческими. Поэтому, все те эвро-реактивные типы, получившие в своей структуре следующие психические компоненты: 1) циклофренические и циклоидные; 2) аффект-эпилептические состояния и истеро-эпилептические состояния; 3) все другие психотические и

психо-невротические состояния, сопровождающиеся повышением эмоционально-волевого аппарата, будут иметь именно такое гиперкинетическое значение для эвро-реактивности.

Таким ярким примером, где психотическое начало служит таким гиперкинетическим двигателем эвро-реактивных приступов (т. е. динамизирующим моментом в Mechanismus Partus ingentialis) служит пример композитора Гуго Вольфа.

История болезни Гуго Вольфа и история развития его творчества представляют собой самую яркую иллюстрацию в этом отношении.

История развития его творчества такова.

До 27 лет жизни Гуго Вольф ничего не создал и ничего не напечатал. Он пока только талант в потенциале.

На 28 году его жизни, т. е. 1887—88 годы оказались в истории развития его творчества знаменательными. В 1887 году он потерял отца, которого очень любил. Это событие его сильно потрясло. Он заболевает психически. Развиваются у него целый ряд приступов маниакальной экзальтации, свойственных началу прогрессивного паралича. Во время первого приступа маниакальной экзальтации у него развивается необычайная эвро-активность, сделавшая его знаменитым композитором. Беспрепятственно в каком то иступлении «счастливый» он сочиняет песню за песней в состоянии этих маниакальных приступов.

В том же году один его друг, Экштейн, издал первые сборники его песен. До тех пор Вольф был под спудом. Теперь гений его развернулся. Устроившись в Перхтольдсдорфе возле Вены, он написал в феврале 1888 г., в абсолютной тишине, в течение трех месяцев, 53 песни на стихи Эдуарда Мерики (швабского пастора-поэта, умершего в 1875 году, который, непонятый или осмеянный при жизни, приобрел теперь в Германии большую популярность). Вольф сочинял эти произведения в *состоянии маниакальной экзальтированности*.

«— Теперь семь часов вечера, и я так счастлив, счастлив, как счастливейший из королей. Еще новая песня. Сердце мое, если бы ты ее слышал. Тебя бы чорт подобрал от удовольствия».

«Еще две новых песни. Одна из них звучит так ужасно странно, что пугает меня. *Ничего подобного до сих пор не было* *). Да поможет Бог бедным людям, которые ее когда-нибудь услышат».

«Если вы услышите последнюю песню, только что мною сочиненную, у вас не может в душе больше остаться никакого жалаания, кроме как умереть. Ваш счастливый, счастливый Вольф **)

Едва успел он окончить «Morike-Lieder, как принимается за серию песен на стихотворения Гете. В три месяца декабрь 1888—февраль 1889) он написал весь «Goethe Liederbuch»—51 песню, из которых некоторые, как «Прометей» представляют собою большие драматические сцены.

*) Курсив здесь, а также дальше везде наш. Г. С.)

**) Письма к доктору Генриху Вернеру.

В том же году, он, издав том «Песен» на слова Эйхендорфа, все еще в Перхтольдсдорфе, устремился к другому циклу песен— «Spanisches Liederbuch»—на испанские стихотворения в переводе Гейзе; он написал все 44 песни в том же состоянии «неистойвой радости».

«То, что я нынче пишу, я пишу для будущего. Со времени Шуберта, Шумана не было ничего подобного».

Два месяца спустя после окончания «Spanisches Liederbuch» в 1890 году он сочинил еще цикл песен на стихотворения великого швейцарского писателя Готфрида Келлера «Alte Weisen». Наконец, в том же году он начал «Italienisches Liederbuch» на итальянские стихотворения в переводе Гейбеля и Гейзе.

А затем первый маниакальный приступ кончается. Наступило молчание. Эвро-активность прекращается.

Таким образом, в итоге, за период 1-го маниакального приступа, т.-е. с 1888 по 1890 год он написал одну за другой, подряд, в каком-то исступлении 53 «Mörrike Lieder», 51 «Goethe Lieder», 44 испанских песни, 17 песен на слова Эйхендорфа, с десяток песен на слова Келлера и первые «Итальянские песни»: всего около 200 песен, все полные необычайной индивидуальности.

Вслед за тем его музыка замолкает вместе с окончанием маниакального приступа. Родник перестает бить. Вольф, охваченный депрессией и тоской, пишет отчаянные письма:

«О том, чтобы сочинять, нет и помину. Бог знает чем это кончится. Молитесь за мою бедную душу *).

«...В продолжение четырех месяцев я страдаю от духовного маразма, который наводит меня на мысль, весьма серьезную— навсегда бежать из этого мира... Жить должен только тот, кто действительно живет. Я давно уже мертвец. Если бы это было только мнимой смертью. Но я умер и погребен: способность управлять моим телом одна лишь доказывает мне, что я как будто живу. Пусть бы материя скоро последовала за духом, который исчез. Это мое заветное, мое единственное желание. Вот уже две недели, как я живу в Траункирхене, жемчужине Траунского озера... Все удовольствия, какие только может пожелать человек, соединились здесь, чтобы даровать мне счастливый удел **). Покой, уединение, прекрасная природа, самый освежающий воздух. Одним словом, все, что может придтись по вкусу отшельнику такого сорта, как я. И, однако, мой друг, я самое несчастное существо на этой земле. Все вокруг меня дышит счастьем и миром, все колышется и трепещет и делает то, что ему следует делать... Один лишь я—о, Господи, один лишь я живу, как глухое и тупое животное. Разве что чтение меня еще немного развлекает. В моем отчаянии я прямо набрасываюсь на него. Что до сочинения, то с ним покончено: я не могу себе даже больше

*) Письмо к Оскару Гроге, 2 мая 1891 года.

**) Вольф жил там у одного друга. У него завелась собственная квартира лишь с 1896 года, и то только благодаря щедрости его друзей.

вообразить, что такое, какая-нибудь гармония или мелодия, начиная почти сомневаться, что сочинения, носящие мое имя, были в самом деле моими. Боже милостивый! К чему весь этот шум, к чему все эти великолепные проекты, если все это было лишь для того, чтобы дойти до такого жалкого состояния.

«Небо дарит человеку гений весь целиком или не дает никакого. Ад дал мне все наполовину».

«Как это верно, о как это верно! Несчастный! В расцвете твоих лет ты сошел в ад, и ты бросил в злобные пасти судьбы обманчивое настоящее и самого себя в придачу. О, Клейст! *)».

Внезапно в Деблинге, 29 ноября 1891 г. возникает новый приступ возбуждения и музыкальный родник, вновь открылся у Вольфа: он пишет 15 итальянских песен подряд иногда по несколько сразу в один день. *В декабре приступ кончается—родник опять иссякает*,—и на этот раз на пять лет. Тем не менее в этих итальянских мелодиях отнюдь не чувствуется усилий, они не указывают на более сознательное волевое напряжение ума, чем предыдущие сочинения, наоборот, это, быть может, самые непосредственные и простые из произведений Вольфа. Он хотел написать 33 итальянских песни, он принужден остановиться на двадцать девятой (ибо изсяк на время его эвродактивный родник) и издать один лишь первый том «*Italienisches Liederbuch*» в 1891 году. Второй том забьет ключом в один месяц, пять лет спустя, в 1896 году.

Можно вообразить, какие муки терпел этот одинокий человек, живший лишь радостью творчества, видя, что жизнь его беспричинно останавливается в продолжение ряда годов, видя, что гений *его то проявляется, то исчезает, то возвращается на минуту, то вновь пропадает...* на сколько времени? Вернется ли он на этот раз?

«Вы спрашиваете меня, что слышно о моей опере **). Господи, боже мой. Я был бы уже доволен, если бы мог написать самую маленькую песенку. И теперь оперу?... Я весьма определенно думаю, что со мною дело кончено. Я мог бы столь же хорошо говорить по китайски, как и сочинять. Это ужасно. Как я страдаю от этой праздности, невозможно описать. Я хотел бы повеситься.***)»

«Ты спрашиваешь о причинах моей глубокой подавленности и ты желал бы пролить бальзам на мои раны... Да, если бы ты был в состоянии что-либо сделать! Но против моих страданий бессильны все растения на этой земле. Один бог может меня спасти. Верни мне вдохновение, пробуди демона, дремлющего во мне, чтобы я вновь был одержим им, и я назову тебя богом и воздвигну тебе алтарь! Но это призыв к богам, а не людям. Пусть же те произнесут свой приговор. В какую сторону дело бы

*) Письмо к Ветте, 13 августа 1891 г.

***) Мечтой Вольфа, его *idée fixe*, в течение многих лет, было написать оперу.

***) Письмо к Кауфману 6 августа 1891 года и 26 апреля 1893 г.

для меня ни повернулось, даже если в худшую, я перенесу это, да, если даже ни один солнечный луч не будет освещать моего грустного существования. А затем, мы раз навсегда перевернем страницу и покончим с этой горестной главой моей жизни *)»

Это письмо свидетельствует о мрачной депрессии охватившей Вольфа после того, как он перенес приступ маниакальной экзальтации.

В марте 1895 года Вольф ожил снова. Он написал в три месяца клавираусцуг «Коррегидора».

В продолжении ряда лет его влекла сцена в особенности комическая опера.

После того, как он обращался за оперным текстом к старым и современным поэтам, к Шекспиру, к своему другу Лилленкорну, пробовал сам написать его, он кончил тем, что остановился на тексте, извлеченном Розой Майререр из испанской новеллы дон Педро Аларкона; это—«Corregidor» (Коррегидор), который, отклоненный прочими театрами, был поставлен в июне 1896 года в Мангейме. Пьеса имела мало успеха, несмотря на ее музыкальные достоинства: слабость либретто содействовала неудаче.

Существенно было то, что творческий гений вернулся. В апреле 1896 года Вольф написал единым духом 22 песни второго тома «Italienisches Liederbuch». На Рождестве друг его Мюллер послал ему стихотворения Микель Анджели, переведенные на немецкий язык Вальтером Роберт-Торнов; и Вольф, потрясенный, задумал тотчас же посвятить им целый том песен. В 1897 г. он сочинил первые три из этих мелодий. В то же самое время он занимался новой оперой «Manuel Venegas» (Мануэль Венегас), либретто Морица, Гернеса, по Аларкону. Он казался полным силы, радости, веры в свою воскрешшую бодрость. Когда Мюллер говорил в 1896 году о преждевременной кончине Шуберта, Вольф ответил: «Смерть не уносит раньше, чем не выскажешь того, что имел сказать».

Он работал с яростью, «словно паровая машина», как говорил сам. В сентябре 1897 года он кинулся на сочинение «Manuel Venegas». Никакого отдыха. Едва успевал принимать необходимую пищу. В две недели он написал пятьдесят страниц клавира, — все темы для оперы в целом, и половину первого акта.

Тут наступило безумие. 20-го сентября 1897 года он был сражен в разгаре работы, посредине большого рассказа Мануэля Венегаса в первом действии.

Его отвезли в лечебницу д-ра Светлина в Вене и он оставался там до января 1898 года. По счастью у него нашлись преданные друзья, принявшие на себя заботы о нем и возмещавшие этим всеобщее безразличие; впоследствии они на его собственные заработки дали ему возможность спокойно умереть. Когда издатель Шотт послал ему в 1895 году в октябре гонорар за изда-

*) Письма к Гуго Файсту. 21 июня 1884 г.

ние «Morgike Lieder» песен на слова Гете, Эйхендорфа, Келлера, на испанские стихотворения и за первый том итальянских песен, вся сумма целиком составляла за 5 лет 86 марок 35 пфенигов. И Шотт спокойно прибавлял, что он не рассчитывал на столь благоприятные результаты. Друзья Вольфа и в особенности, Гуго Файст не допустили его, своей молчаливой, по большей части скрытой, щедростью впасть в нищету и тем избавили от ужаса заброшенности во время последней развязки.

На некоторое время рассудок вернулся к нему. Его отправили путешествовать в Триест и Венето, в 1898 г., чтобы завершить его поправку и помешать ему думать о своей работе.

Но предосторожности были излишни.

Он пишет Гуго Файсту:

«Тебе незачем беспокоиться и опасаться, как бы я не переутомился. Мною овладело настоящее отвращение к работе, и мне кажется будто я никогда не буду в состоянии написать ни одной ноты. Моя неоконченная опера больше меня не привлекает. Вообще всякая музыка мне ненавистна. Вот к чему привели добрые намерения моих друзей. Как я справлюсь с этим состоянием, это для меня загадка. Ах, вы, блаженные швабы. Какие вы достойные зависти люди... Поклонись от меня твоей прекрасной стране и дай горячо обнять тебя твоему несчастному и покинутому Вольфу» *).

Однако, по возвращении в Вену он как будто поправился. К нему, повидимому, вернулось его здоровье, его *«веселость»*. Только, к его собственному удивлению, он оказался человеком спокойным, степенным и молчаливым, который все больше и больше стремился быть в одиночестве. Он *перестал* сочинять: но пересмотрел свои песни на стихи Микель Анджело и издал их. Он строил гланы на зиму, он радовался, что проведет ее в деревне, близ Гмундена, в полном уединении, ничем не будучи тревожим, живя исключительно для своего искусства *).

Последнее его письмо к Файсту гласит **): «Я совершенно выздоровел и не нуждаюсь больше ни в каком лечении. Ты бы в нем нуждался больше меня».

Наступил новый припадок безумия. И на этот раз все было кончено.

Осенью 1898 года Вольфа *перевезли в психиатрическую лечебницу в Вене*. Сначала он был в состоянии принимать некоторых посетителей и немножко играть в четыре руки с директором заведения, который был музыкален и восхищался произведениями Вольфа. Он мог даже весной сделать несколько прогулок за пределы учреждения в обществе своих друзей и сторожа. *Но он постепенно переставал узнавать вещи, людей, себя самого.*

«Да», — говорил он, вздыхая, — «если бы я был Гуго Вольфом»...

*) Письмо к Гуго Файсту, 21 апреля 1898 г.

***) К нему же, 29 августа 1888 г.

Начиная с сентября 1899 года болезнь стала быстро прогрессировать, это был прогрессирующий паралич. Сначала были поражены центры речи, (в начале 1900 года), а затем, с августа 1901 г. начали развиваться параличи, и с начала 1902 года врачи «махнули на него рукой»; и несчастный прозябал еще год. Он умер 15-го февраля 1903 года от воспаления легких.

Таким образом, из примера Гуго Вольфа, мы видим, что он перенес 5 приступов маниакального возбуждения. Эти пять приступов были у Гуго Вольфа *эвро-активными*, при чем в Mechanismus Partus ingemialis Гуго Вольфа сыграл огромную динамическую роль разрядителя кумулятивной энергии, гиперкинетический психотизм. Личность же Вольфа в то же время погибла в маразме паралитика.

В особенности огромную кинетическую роль играют гиперкинетические психотизмы там, где у евро-реактивного человека в его психической конституции заложено 2 гена: 1-й ген — вышеупомянутый гиперкинетический (аффект, эпилепсия, маниакально-депрессивный психоз и пр.), другой ген — шизофренический. Так как сам по себе шизофренический ген, по своей природе, дает противоположную динамику, понижает кинетику психических сил, вследствие процессов расщепления, притупления эмоционально-волевого аппарата, притупления сексуальной эмоции, расщепления ассоциативного аппарата и т. д. то можно говорить о шизофренических психотизмах, как о гипокинетических психотизмах. В этих случаях, т.-е. при существовании конкуренции этих 2-х противоположных гиперкинетических и гипокинетических начал, когда гиперкинетическое начало берет верх над гипокинетическим началом (хотя бы временами), то этим самым даются кинетические вспышки, как эмоционально-волевого аппарата, так и ассоциативного аппарата и тем самым это гиперкинетическое начало получает значение двигателя, оживляющего самые различные стороны шизофренической психики (гссп. шизофренического творческого материала).

А именно в следующих, примерно, случаях:

1. Там, где евро-реактивные комплексы, находящиеся в латентном состоянии, основаны на эмоциональном базисе (музыка, поэзия и пр.), но вследствие недостаточности эмоциональности по причине притупления и торможения шизоидным началом этой эмоциональности, эта гиперкинетическая психика действует оживляющим образом на творческие комплексы, динамизирует их путем эмоциональной «страстности», возбуждения, экстаза так, как это делают живительные лучи солнца на холодные поля.

Динамизирующее значение эмоциональности всем нам понятно, в особенности в тех творческих процессах, где эмоциональность играет громадную роль, и ее опустошение или отсутствие убивает всякую евроактивную силу.

2. Там, где ассоциативная работа вяла и неподвижна вследствие той же шизофрении такие гиперкинетические компоненты вносят соответствующее оживление в ассоциативной работе, например, при поэтическом творчестве поэтов, где игра этой ассоциативной аппаратуры психики играет большую роль, эта ассоциативная живость является необходимым двигателем эврикативных поэтов.

Пример такого взаимодействия гиперкинетического гена и гипокинетического гена в психической структуре эврикативности представляет Гоголь.

Психическая конституция Гоголя заложена из циклофренического гена и шизофренического. Взаимное сплетение этих 2-х начал и взаимное как бы конкурирование этих 2-х генов, за весь ход развития психики и творчества Гоголя, дают нам эту причудливую физиономию его личности и его творчества. В начале развития его психики циклоидное состояние господствовало и доминировало в нем, и в результате он весьма добродушный пасечник Рудой-Панько, автор рассказов «Вечеров на хуторе», проникнутых легким юмором гипоманиакальной психики, заложенные в то же самое время шизоидные комплексы дают ему аутистический материал причудливой фантастики и необыкновенных историй. Этот материал оживляется, реализуется динамикой циклоидного гиперкинетизма. По мере того как шизоидный компонент развивается все далее и глубже и приступы шизоидных толчков появляются все чаще и чаще, гипоманиакальная экзальтация уступает все более и более депрессивным приступам: Гоголь из добродушного пасечника превращается в жуткого сатирика, который смеется уже не добродушным юмором, «а смехом сквозь слезы». Реальная действительность гипоманиака заменяется аутистической «хлестаковщиной» шизоида. В результате этого создаются такие вещи, как «Шинель», «Нос», «Ревизор» и «Мертвые Души» и др. произведения этого периода. Причем «Мертвые Души» уже создаются под пониженной динамикой гипоманиакального компонента. Шизоидный компонент все более и более захватывает психику Гоголя. Гиперкинезия циклоидного гена уступает более и более гипокинезии шизофренического гена—в результате творческая динамика эврикативности резко падает. Гоголь все чаще и чаще жалуется на отсутствие творческого порыва. Он не в состоянии написать уж 2-й том «Мертвых Душ». От всего, что пишется в этот период уже веет холодом и деревянностью шизофренической бездушной мистики. Кинетическое живое начало гипоманиакального фактора—угасло и Гоголь исчез не только физически, но и исчезла его эврикативная сила.

Таким образом, из этого примера мы видим: пока гиперкинетическое начало на лицо оно дает эврикативность, пользуясь шизофреническим материалом и шизофреническим строением

комплексов. Но как только исчезает это гиперкинетическое начало и начинает брать верх гипокинетическое, наступает омертвелость—исчезает эвро-активность.

Приведенные примеры гиперкинетического механизма не являются единственным механизмом. Мы взяли гиперкинетический механизм как иллюстрацию.

Существует целый ряд различных механизмов этих «гениальных родов», где тот или иной диссоциативный момент даст ту или иную форму и динамику в этом механизме.

Изучение этих механизмов—есть кардинальная проблема эвропатологии. К этим проблемам мы вернемся в других наших работах.

Скрябин. Опыт патографии.

Прив. доцента д-ра Н. А. Юрман.

«Как-то на одной из Беляевских пятниц, среди возбужденного обмена мнений о конечном смысле искусства и новых художественных устремлениях, Скрябин разгорячился, увлекся и в пылу проповеди о своей великой миссии, как благовестнике грядущего перерождения человечества чарами искусства, патетически воскликнул:—«Я—творец нового мира. Я—Бог». «И, полно-те, миленький,—охладил его Лядов, дружески потрепав по плечу.—Ну, какой ты Бог. Просто ты—петушок». Скрябин совершенно ошел, онемел, а затем разразился детски-искренним смехом, при общем хохоте гостей».

В этом ярком эпизоде обрисован весь Скрябин. «Я творец нового мира. Я—Бог» и сейчас же переход на детски-искренний смех. Титан, творец «Прометей» и нежный эльф во многих других своих произведениях.

Лядов, по словам автора вышеприведенных строк, на следующее утро после присуждения Скрябину учрежденной Беляевым Глинкинской премии, звонит ему по телефону: «Знаешь ли, плохо что-то спалось ночью. Все нейдет с ума мысль: подписать то протокол мы подписали, но хороши же мы будем, когда через две недельки узнаем, что Скрябина свезли на Удельную».

Сабанеев указывает на то, «что по отношению к Скрябину часто ставился вопрос о безумии, о дементативном моменте в его психической и творческой организации», так как его мистерия и его мегало-манические убеждения подавали несомненно много поводов к этому.

В другом месте тот же Сабанеев говорит, что «если дементативный момент присутствовал в Скрябине, то именно в том, что в определенный момент он утратил сознание своих границ и сил».

Лапшин говорит об эмоциональной эвфории у Скрябина, «имеющей слегка патологический оттенок».

По мнению Луначарского Скрябин в своем мирозерцании «почти дошел до грани сумасшествия», хотя, по его мнению, здоровое в Скрябине победило начинающееся от самой полноты его творческого самосознания безумие».

Шилкин говорит о «гениальном безумии» Скрябина.

Зимой 1913 года, по словам Шлецера, в разговоре с Терещенко и Зилоти, Скрябин, развивая перед ними планы относительно Предварительного Действа... сильно увлекся, потерял как бы чувство реальных возможностей и нарисовал столь грандиозный образ нового произведения, сближая его с Мистерией, что, повидимому, несколько смутил присутствующих. Наконец сам Шлецер, один из наиболее близких к Скрябину людей, указывает, что «Скрябин 90-х годов страдал острой неврастенией; неврастеничной, надорванной представлялась его игра и творчество его казалось отмеченным печатью какой-то надломанности в самой силе своей. Ходячее, внутренне противоречивое выражение—болезненный талант—к нему вполне, повидимому, могло быть применено. «Чрезвычайно нервным, повышено-раздражительным, чутким и легко возбудимым» Скрябин, по словам Шлецера, оставался до конца жизни. Упоминая о «минутах высочайшего под'ема», наблюдавшихся у Скрябина, во время которых Скрябин «себе уже не принадлежал и был, в точном значении этого слова—вне себя» Шлецер добавляет: «если безумие есть хаос, то эти состояния, высшей организованности и гармонии полярны были всякому безумию. Однако, Скрябин в те минуты был, действительно, близок к катастрофе и одна только грань отделяла его солнечный экстаз от мрака безвидного, пустоты и отчаяния».

Таким образом из приведенных цитат видно, что у многих лиц, в том числе лично знавших Скрябина, близких к нему, возникало сомнение относительно состояния душевного здоровья Скрябина. Правда, д-р Богородский, бывший другом и врачом Скрябина, протестует «против прозрачного намека на безумие Скрябина» (в книге Сабанеева) и утверждает, что «никому из близко знавших Скрябина людей никогда в голову не могла придти подобная мысль. Другое, бывшее близким к Скрябину лицо, Брянчанинов тоже протестует против добросовестного и честного усматривания дементативности «именно там, где есть правда завтрашняя, сотканная из «безумных» мечтаний сегодняшнего».

Таким образом вопрос о наличии или отсутствии «безумия» или, выражаясь научным языком, вопрос о том, был ли Скрябин душевно-больным или нет, остается открытым. Между тем вопрос этот представляется имеющим громадное значение как по отношению к творчеству самого Скрябина, так и по отношению к художественному творчеству вообще, в смысле выяснения взаимоотношений между художественным творчеством и душевным расстройством. Вышеприведенные сомнения относительно состояния душевного здоровья Скрябина, высказанные лицами хорошо, близко его знавшими, несомненно имеют большое значение. Лица некомпетентные в психиатрии всегда склонны скорее пропускать, незамечать душевного расстройства там, где имеются на лицо подчас очень резкие его проявле-

ния и уже во всяком случае не высказывать свое мнение, в случае подозрения о наличии душевного расстройтва, публично, в печати. Ведь до сих пор еще существует вполне неправильный; как будет указано дальше, взгляд, что душевное расстройство если и не опорочивает человека, то во всяком случае в значительной мере обесценивает продукты его умственной, творческой деятельности. Следовательно, надо обладать достаточно вескими данными, чтобы позволить себе высказаться публично о наличии душевного расстройтва у того или иного лица. И вот относительно Скрябина следует признать, что и тех данных, которые имеются в существующей о нем до настоящего времени литературе, вполне достаточно, чтобы можно было задать вопрос, был или нет Скрябин в нервно-психическом отношении вполне здоровым. Посильным ответом на этот вопрос, представляющий, должен оговориться, большие трудности, и является настоящая работа.

Болезненная конституция, которую обладал Скрябин, является несомненно, в значительной мере результатом патологической наследственности. Через 6 недель после рождения Скрябина, 25 декабря 1871 г., у его матери был констатирован туберкулез легких, от которого она и скончалась в апреле 1873 г.; дядя по матери был «небезизвестный в свое время художник», «довольно беспокоило проведенный свою недолгую жизнь», как говорит биограф Скрябина. Дети тетки по матери Скрябина все умерли от чахотки; отец Скрябина был замкнутый, энергичный, с сильным, под конец — крутым, чуть ли не деспотическим характером, заслонявшим от иных даже его прирожденную доброту». Таким образом, со стороны матери наблюдается туберкулезная наследственность и с обеих сторон случаи патологических характеров. Что касается музыкальной наследственности, то со стороны отца хотя и «не было выдающихся музыкальных дарований, но способности к музыке были почти у всех, мать же Скрябина окончила по классу Лешетицкого Петербургскую Консерваторию с большою артистическою медалью и была «человеком очень одаренным, живым, отзывчивым на все, особенно на вопросы искусства». Таким образом, музыкальная одаренность перешла к Скрябину, главным образом, от матери.

Относительно физического сходства на основании имеющихся фотографий судить трудно, но биограф Скрябина тем не менее отмечает несомненное сходство в чертах лица матери Скрябина с лицом сына.

Как известно, воспитывался Скрябин не у отца, а в доме дедушки и бабушки и, главным образом, на попечении своей тетушки, Л. А. Скрябиной. Детство Скрябина, таким образом, прошло в «мягкой, женственной обстановке старого патриархального склада». «Бабушка и тетка обожали своего Сашу» и ни в чем ему не отказывали, «были в восхищении от всех его затей и старались исполнять все его желания. Мальчик с дет-

ства привык видеть, что все, что он делает, находят хорошим, и что он—центр интересов окружающих. Товарищей детей у него не было, да он и не любил их, предпочитая быть со взрослыми». Имея в виду уже указанную выше патологическую наследственность Скрябина, следует признать, что условия, в которых прошли его детские годы несомненно способствовали развитию у Скрябина не только «некоторой женственности» и «изнеженности натуры», которые проглядывали в его внешности и манерах обращения, как на это указывает его биограф, но и послужили почвою, на которой впоследствии пышно разрослись и другие, уже более патологические черты характера.

Музыкальные способности, как и у большинства выдающихся музыкантов, обнаружались у Скрябина очень рано, приблизительно на четвертом году:

Из детского периода жизни Скрябина интересно еще отметить раннюю влюбленность, что тоже отмечается у многих выдающихся деятелей в области искусства. На 7—8 году Скрябину настолько понравилась одна из девочек на детском вечере, что он даже сочинил по этому поводу оперу, «с каким то любовным сюжетом» и назвал ее «Лизой», именем девочки, произведшей на него такое сильное впечатление.

Во время пребывания в кадетском корпусе, Скрябин как и дома занимал исключительное положение. Этому способствовало с одной стороны его мягкий нрав и музыкальные способности, что привлекало к нему его товарищей по корпусу, а с другой стороны влияние родных, служивших в корпусе, в силу чего ему делались многие поблажки, как в строевом, так и в учебном отношении. Таким образом, исключительное положение, которое занимал Скрябин, будучи ребенком, в семье, продолжалось и в корпусе. На этой почве между прочим, в связи с врожденными задатками характера и создавалась та самоуверенность в себе, то непризнание никаких авторитетов кроме личного я, которое о мечают все знавшие Скрябина. О молодом еще Скрябине Римский-Корсаков в своей летописи говорит: «звезда первой величины, несколько изломанный, рисующийся, самомнящий».

От рождения Скрябин отличался некрепким, хрупким здоровьем. 12-ти лет он перенес корь в такой тяжелой форме, что лечивший его врач считал, что спасения почти нет. Еще кадетом его возили летом, в виду слабости легких, на кумыс в Самару и в Крым. Поездки Скрябина на кумыс повторялись и во время пребывания Скрябина в консерватории, после того, как чрезмерными техническими упражнениями он «переиграл себе правую руку», и по окончании консерватории в 1893 году. Танеев, у которого Скрябин брал уроки теории музыки, отзываясь о нем, как о «кадетике, маленьком, худеньком, хрупком». Конюс, который был первым учителем Скрябина игры на фортепьяно, говорит, что «вид у мальчика был тщедушный. Он был бледен, роста малого, казался моложе своих лет».

По окончании консерватории Скрябин, по словам биографа был «блден, зелен», вообще имел болезненный вид и только «потом оправился и стал выглядеть лучше». И таким физически нежным, хрупким Скрябин остался в течение всей своей жизни. Шлецера, видевшего Скрябина в первый раз в 1896 году, поразил «его хрупкий, болезненный вид, его повышенная нервность». При вторичном свидании со Скрябиным в Москве осенью 1902 года, он снова отмечает «нежность, хрупкость, странную какую-то детскость» его внешности. В последние годы жизни, как это можно видеть из имеющихся фотографий, болезненные черты лица Скрябина сделались более отчетливыми, ясными. Коптяев рисует Скрябина на последнем концерте, данном в Петрограде 2 апреля 1915 года за несколько дней до смерти, «несколько болезненным, со страдальческим выражением лица». Интересно, что «страдальческое» выражение лица отмечается у Скрябина еще в 1897 году (письмо его тетки к Беляеву).

И в биографии Скрябина, и в его письмах часто упоминается о головных болях. В письме к Беляеву об «ужасных головных болях» пишет он в мае 1893 г. из Гейдельберга, о головных болях в мае 1897 г. из Москвы и в ноябре того же года из Парижа.

Насколько Скрябин не отличался крепким здоровьем видно, например, из письма его к тому же Беляеву в июле 1902 года, в котором он пишет, что весной он чувствовал себя так плохо, что даже сомневался, способен ли он к выздоровлению и если бы не отдых и полное бездействие, то, по его мнению, его через 2—3 года наверно уже не стало бы. Правда, в такой пессимистической оценке состояния своего здоровья некоторую роль играла и свойственная Скрябину мнительность. «Сегодня, кажется, приезжает в наш пансион чахоточная и я в большом горе. Думаю утекать», пишет Скрябин Беляеву из Парижа 12 апреля 1896 г.

«Он бесконечно мнителен, Скрябин всегда киснет от самого пустяка» отзывается один из его друзей и почитателей. Приступы чрезвычайной мнительности, постоянной боязни заразиться от больных, грязных предметов, упоминаются и в воспоминаниях других лиц (Неменова, Лунц, Энгель).

Интересны те нервные припадки, которым был подвержен Скрябин и из которых один подробно описывает в своем письме к Беляеву тетущка Скрябина 25-4—1897 г. Особенно интересно замечание Скрябиной, что, по ее наблюдениям, подобные припадки всегда бывали у ее племянника «перед появлением на свет новых музыкальных мыслей». Припадок произошел ночью, «сначала он совсем похолодел, и я решительно не знала чем его согреть», пишет Скрябина, «потом у него что-то делалось с сердцем, а главное с головой, я даже и не пойму, говорит, что боли нет никакой, а между тем только и успокаивался, когда я ему держала голову крепко руками. Все это кончилось к утру горькими слезами или истерикой, после чего он

утих, но не заснул ни на одну секунду. И так он пролежал до 4-х часов вечера в полном изнеможении». Вечером, вследствие уговоров тетушки встать и выйти на воздух. Скрябин отправился к своим знакомым Шлецер и там, в присутствии впоследствии знаменитого пианиста Иосифа Гофмана, «играл весь вечер, и, как говорят, давно так хорошо не играл, как в этот раз». Далее Скрябина пишет: «относительно появления на свет чего то нового, я не ошиблась. Только вернулся он в этот вечер от Шлецер, сейчас же уселся за рояль, забыл обещание невесте ложиться раньше спать, играл правда очень тихо и до которого часу уж я и не знаю. Я и сама заснула часа в 4, а он все еще играл, и вот с тех пор пошло, сидит опять все ночи. Да и днем перестал учить свой концерт, и все что то играет с такою сияющей и блаженной физиономией, что я сегодня уже его спросила, не народилось ли у него что-нибудь новенькое, он мне ответил утвердительно, и говорит, что выходит что то очень уже хорошее, да и по его лицу вижу, что он блаженствует». Данный припадок можно трактовать скорее всего как несколько своеобразный, тяжелый припадок истерического характера. Крайне интересным является то резко обострение музыкальных способностей, как исполнительского, так и творческого характера, которое последовало непосредственно вслед за припадком, явилось как бы его результатом. Скрябин в это время был женихом, проводил все вечера у своей невесты, бывал только там, куда он мог ехать с ней и потому невольно напрашивается мысль о зависимости припадка с последующим обострением музыкальных способностей от того состояния жениховства, в котором он находился в это время. Истерический припадок в данном случае может рассматриваться как срыв нервной системы вследствие торможения неудовлетворенных половых стремлений (неудовлетворенного сексуального инстинкта) с сублимацией их в область музыкального творчества (см. Савич В. Л. Основы поведения человека стр. 104, 105, 107, 108). Интересно, что в письме к Беляеву от 26—III—1902 г. сам Скрябин пишет, что «весной всегда приходит множество мыслей». Опять несомненная связь с сексуальностью. К сожалению у нас нет указаний при каких условиях появлялись другие подобные же припадки и продолжались ли они всю жизнь, или ограничивались только известным возрастом, известным периодом жизни.

Одним из резко выраженных явлений со стороны психической сферы Скрябина была постоянная резкая смена настроений, которая отмечается как самим Скрябиным, так и знавшими его близко лицами. «Я... иногда бываю наверху блаженства, минутами владаю в уныние, но слава Богу не надолго», пишет он Беляеву в декабре 1896 г. «И все крайние настроения: то вдруг покажется, что силы бездна, все побеждено, все мое, то вдруг сознание полного бессилия, какая-то усталость и апатия; равновесия никогда не бывает», пишет он в другом

письме в апреле 1895 г. В других письмах он пишет о тяжелом подавленном настроении. «Настроение у меня какое то особенное, нехорошее; определить его я сам не могу. Какое то беспокойство, ожидание чего-то нехорошего живет во мне и мучает меня беспрестанно» (письмо в июне 1895 г.). «Мне эти дни ужасно, ужасно, как тяжело, не знаю почему» (письмо в марте 1896 г.). «Ты спрашиваешь о моем душевном состоянии; скажу, что меняется оно ежедневно. Сегодня мне хорошо, хорошо, вчера целый день кис» (письмо в июне 1897 г.). Сабанеев говорит, что в жизни Скрябина были «срывы... иступленного состояния в более будничное, даже в угнетенное».

Наряду с частыми резкими сменами настроения, которые в данном случае приходится рассматривать как проявления истерической конституции, следует отметить инфантилизм, детскость, которая тоже являлась одной из характерных черт психического облика Скрябина. Сам Скрябин сознавал в себе эту черту характера. В одном из писем к Беляеву он упоминает о своей «детской беспомощности». «Я положительно поражаюсь, насколько он еще ребенок в жизни. Все взгляды его вообще на житейские дела до того наивны, что заставляют иногда от души посмеяться. Да и капризы то его совсем ребяческие» пишет Скрябина Беляеву в феврале 1897 года. О «детски-ясной душе», «детски-радостном настроении», умении «веселиться как ребенок», говорит в своих воспоминаниях о Скрябине и Неменова-Лунц. Наконец, Шлецер, как уже указано выше, отмечает «странную какую-то детскость» во внешности Скрябина.

Истерической конституции следует приписать и способность Скрябина быстро увлекаться людьми и также быстро остывать (указание Шлецера). Теперь, прежде чем перейти к описанию других патологических черт характера Скрябина, постараюсь в кратких, по возможности, чертах изложить философское мирозерцание, сущность той «одной идеи», которая заполняла сознание Скрябина в течение всей его жизни от отроческих лет до самой смерти. Этой идеей является мечта «о последней мистерии, как акте воссоединения с Единым, отпавшего от него и лежащего во множестве мира». Положение о том, что «всякий гениальный человек есть маниак одной великой идеи», по мнению одного из биографов Скрябина вполне приложимо и к нему.

Но прежде чем перейти к изложению мирозерцания Скрябина, должен указать, что его философские взгляды писавшими о нем лицами оцениваются далеко не одинаково. Так, Игорь Глебев в своих статьях о Скрябине говорит: «в музыке Скрябина снова Дух Божий носится над неустроенною землею, но это уже не непознаваемый, непреступный и непостижимый Дух, а в экстазе познанное, слившееся с гордым человеческим стремлением творческое духовное деланье. Сила и значение этой идеи, как и значение музыки Скрябина, воплотившей ее и согласно ей перестраивающей нашу психику—нашу ду-

шевую жизнь еще не воспрята, не усвоена всецело: слишком близко, на наших глазах совершен подвиг, он не успел еще стать легендарным, а человечество верит только легендам», и в другом месте: «мне думается, что со Скрябиным музыка не только перестает будто бы отставать от культуры мысли, но идет едва-ли не впереди». С другой стороны, по мнению Сабанеева, «насколько сильно... впечатление от явления Скрябина в музыкальной сфере, настолько же слабо впечатление от его мыслей и идей в отвлеченной области. Мечтавший быть Мессией для вселенной, Скрябин не мог собрать вокруг себя, как пророк, даже и десятка верных адептов. Уже в этом одном—свидетельство слабости его грандиозных построений, свидетельство того, что гениальный в звуках, он не имеет шансов считаться ни талантливым поэтом, ни законченным мыслителем, ни этическим руководителем человечества».

Как же развивалось и в чем состояло философское мировоззрение Скрябина. И в детстве и в юности Скрябин был чрезвычайно религиозен. Им самим отмечаются при поступлении на 10-м году в корпус «полное доверие к учителям и к священнику». Наивная вера в Ветхий Завет. Молитва... Серьезнейшее отношение к таинству причащения...» 16-ти лет он пишет... «не должны ли мы с радостью поднять знамя Христа и с гордостью сказать: мы христиане. Будем же носить в себе этот святой образ страдальца Христа и будем пребывать в нем, в его учении, в его и нашем едином, истинном и вечном Боге». Так продолжается до 20 лет. В этом возрасте случайное событие—болезнь правой руки на почве переутомления игрою, является, по словам Скрябина, «самым важным событием» в его жизни. Является препятствие к достижению столь желанной цели: блеска, славы. В результате «первой серьезной неудачи в жизни»—«первое серьезное размышление: начало анализа. Сомнение в невозможности выздороветь, но самое мрачное настроение. Первое размышление о ценности жизни, о религии, о Боге. Все еще сильная вера в него (Саваофа, кажется, более чем в Христа). Молитва горячая, усердная, хождение в церковь. Ропот на судьбу и на Бога». Начиная с этого времени в мирозерцании Скрябина все более и более отмечается богоборческий момент. Около 1900 г. он пишет: «Кто б ни был ты, который наглумился надо мной, который ввергнул меня в темницу, восхитил, чтобы разочаровать, дал, чтобы взять, обласкал, чтобы замучить—я прощаю тебя и не ропщу на тебя. Я все-таки жив, все-таки люблю жизнь, люблю людей, люблю еще больше, люблю за то, что и они через тебя страдают (поплатились). Я иду возвестить им мою победу над тобой и над собой. иду сказать, чтобы они на тебя не надеялись и ничего не ожидали от жизни кроме того, что сами могут себе создать. Благодарю тебя за все ужасы твоих испытаний, ты дал мне познать мою бесконечную силу, мое безграничное могущество, мою всеобъемлемость, ты подарил мне торжество».

В либретто своей предпологавшейся оперы, сочиненном в промежутках времени между 1900 и 1903 годом, Скрябин пишет:

«Резкий ласковый обман
Меня уже не усыпляет
И разум мой не усыпляет
Их нежно-блещущий туман.
Рассудок мой, всегда свободный
Мне утверждает: ты один;
Ты раб случайности холодной,
Ты всей вселенной властелин.
Зачем вручаешь ты богам
Свою судьбу, о жалкий смертный!
Ты можешь и ты должен сам
Победы славную печать
Носить на лице лучезарном».

Это изложение своего символа веры сопровождается повышенным, граничащим с состоянием экстаза, самочувствием.

«Когда б одну крупицу моего блаженства
Я мог бы миру подарить».

и дальше

Я силой чар гармонии небесной
Навею на людей ласкающие сны,
А силою любви безмерной и чудесной
Я сделаю их жизнь подобием весны».

Наряду с повышенным настроением в этих стихах намечается уже идея будущей мистерии.

По мнению Липшица, философские искания Скрябина оформлялись и приобретали более связный характер, примерно в 1904 году.

Липшиц делает краткое резюме философских взглядов Скрябина в этот период времени. В общем они были таковы: Скрябин является сторонником абсолютного идеализма, он радикальный солипсист. «Мир есть результат моей деятельности, моего творчества, моего хотения (свободного)», говорит Скрябин в своих записях.

Тем не менее, точка зрения абсолютного солипсизма проводится Скрябиным не вполне последовательно, он сам же делает против нее возражения. «Если бы мир и «чужие Я» были порождением личной, индивидуальной стороны моего «Я», тогда я знал бы и все содержание мира и содержание «чужих Я». Однако, это не так. Значит, содержание чужих Я и весь мир порождается передо мною активностью сверхиндивидуальной стороны моего Я, деятельностью во мне общего и с Вашим Я Универсального Сознания или Сознания Вообще. Его активность во мне не может быть осознана мною, является бессознательной функцией. Но отчего же Универсальное Сознание воплощается во множественности индивидуальностей. Почему оно порождает в своем творчестве здесь Ивана, а там подалее Петра. Потому, что творчество есть расцвет индивидуальности.

Высшими формами такого расцвета является гениальность, вот почему в гениальных людях, как в фокусах, проявляются наивысшие достижения мирового духа, они опережают другие индивидуальности, в свою очередь пробуждая в них творческую активность, от центра к центру, центростремительные и центробежные силы, желание деятельности и желание покоя, оригинальность и рутина, гений и толпа... История человечества (вселенной) есть история гениев. Со временем все более развивается индивидуальность и ритмическая фигура заканчивается всеобъемлющей индивидуальностью—Богом. Толпа—разбрызги сознания гениев,—их отражение, жизнь—акт любви».

Вопрос о том представляет ли в историческом процессе все большее нарастание расцвета индивидуальностей явление бесконечно продолжающееся, или находящее себе известный момент окончательного завершения, Скрябиным разрешается следующим образом: 1) этот процесс должен завершиться в определенный момент истории; 2) этот момент должен иметь характер внезапности, катастрофичности, быть метафизической природы, т.-е. сопровождаться радикальным изменением структуры данного мира, светопреставлением в буквальном смысле слова; 3) путем к такому трансцендентному изменению сознания, а с ним и природы всех вещей, является мистический экстаз, слияние всех индивидуальных сознаний в высший синтез Универсального Сознания; 4) художники, поэты, музыканты, и, в частности, он—Скрябин—в своем творчестве являются предтечами и провозвестниками такого переворота. «Последняя цель—абсолютное бытие—есть общий расцвет. Это последний момент, в который совершится божественный синтез. Это расцвет моей всеобъемлющей индивидуальности, это восстановление мировой гармонии, экстаз, возвращающий меня к покою. Все другие моменты бытия суть последовательное развитие той же идеи, рост сознания до моего».

Разбирая ход философских мыслей Скрябина, Лапшин видит в них подражание Фихте, Шеллингу, Шлегелю и Ницше. «Подражая Фихте он защищает догматический идеализм. «Объект», т.-е. мир, есть порождение «субъекта», «Я» порождает «не Я», оно объективирует свои собственные субъективные порождения, оно нуждается в препятствии, противупоре, толчке, как выражается Фихте (Anstoss). Только для Фихте оно нуждается в этом толчке для моральной деятельности, а для Скрябина прежде всего для эстетического творчества. В этом отношении его концепция есть подражание Шеллингу, Шлегелю и Ницше. Пространство и время для него, как для Фихте и Шопенгауера, являются формами представления мира для «Я», он называет их формами творчества».

«Для Скрябина, как для Ницше, «только как эстетический феномен—мир и существование являются вечно оправданными». Мировой процесс есть игра, дающая творцу «божественную

радость творчества». Скрябин, подобно Шлегелю, только в исходном пункте своих рассуждений является сторонником метафизического солипсизма, так как он признает, что порождающим мир и души началом является Универсальное Сознание, которое бессознательной для него активностью порождает и его и весь мировой процесс. «Это рассуждение есть воспроизведение взглядов Фихте и Шеллинга». Но совершенно правы, по мнению Лапшина, те, кто имеют в виду у Скрябина солипсизм настроения—*stimmungs solipsismus* эстетика-индивидуалиста. Скрябин, как и всякий великий художник, творил миры, но миры эстетической видимости, и, как таковой, Скрябин является одним из самых напряженных, крайних и ярких выразителей глубокого, но узкого индивидуализма». Далее, по мнению Лапшина, «Скрябинский культ гения тоже идет от Шлегеля, Шеллинга и Шопенгауера и совпадает с переживаниями подобных мыслей у Ницше и современных поэтов». «Характеристика мистического экстаза у Скрябина вполне соответствует традиционному описанию мистиков—от Плотина до Ницше». «Эсхатологическая концепция трансцендентного изменения мира и сознания напоминает идеи Шопенгауера и Гартмана, а также христианское учение о конце мира. Только для Скрябина характерно то, что Искупителем, который принесет с собою новое небо и новую землю, будет музыкант, артист, а не моральный проповедник».

В изложенных философских воззрениях Скрябина еще нет ясно выраженных патологических черт. В подтверждение этого я нарочно привел места из работы Лапшина, где он сравнивает и отождествляет философские взгляды Скрябина с таковыми же выдающихся философов. Правда, сравнение не вполне убедительное, так как и некоторые из тех философов, с которыми сравнивает Лапшин Скрябина, были люди далеко не вполне нормальные, в психическом отношении. Сам Лапшин в конце своей работы о Скрябине говорит: «записки Скрябина показывают, как он был, в сущности, далек от тех теософических бредней, которые прилетали к его творчеству некоторые его друзья. На свою революционную миссию Скрябин едва ли когда-нибудь смотрел вполне серьезно. Это было одно из тех чудачеств великих людей, к которым они сами нередко относятся как к занимательной мечте. Так, Вл. Соловьев, однажды, явился к Л. С. Пантелееву и сообщил ему, что намерен в обществе с Иваном Кронштадтским и генералом Драгомировым устроить в России революцию. Если же допустить, что Скрябин совершенно серьезно сравнивал себя с Иисусом Христом, то придется предположить, что в нем были патологические черты, явление, весьма часто наблюдаемое у гениальных людей». Но при выяснении Скрябинского мировоззрения, никоим образом нельзя ограничиваться его записками. Этого нельзя делать уже по хронологическим соображениям, так как записки кончаются в 1906 г., следовательно, остается еще

9-ти летний период жизни, за который нет личных записей самого Скрябина, с другой же стороны мы имеем ряд указаний о философских и религиозных взглядах Скрябина за этот период времени со стороны лиц, очень близко стоявших к Скрябину, в достоверности показаний которых сомневаться нет оснований. И вот, если обратиться к этим показаниям, то окажется, что Скрябин смотрел на «свою революционную миссию» вполне серьезно и это было отнюдь не одно «из тех чудачеств великих людей, к которым они сами нередко относятся, как к занимательной мечте». Так Шлецер, один из наиболее близких к Скрябину людей, брат его 2-й жены, говорит, что мистика Скрябина эпохи 1900—1902 года «была без благодатной. Скрябин сам себя обожествлял; все делалось не «благодаря Божьей силе, но благодаря собственной его силе», не изволением божества, но лишь смелым хотением личности. Несколько лет спустя, в связи с развитием в нем сознания своего посланничества, своей обреченности, родилось в нем чувство благодатной олененности. Он стал говорить о своем назначении, о своем подвиге, прекрасном, но тяжелом, отказаться от которого он не может... Вместе с тем, все глубже, все интимнее отождествляя себя с миром, уже не мог он, конечно, стремиться к овладению им, с целью заставить его служить своим целям; не существующего вне его Бога не мог он желать покорить». «От богоборчества через самообожествление Скрябин прошел таким образом через свой внутренний опыт к постижению своей природы, человеческой природы, как самопожертвования Божества». Далее Шлецер указывает, что у Скрябина «вера в близкий конец мира, в скорое завершение истории вселенной была... так крепка, так спокойно непоколебима, что мгновениями с ним во время бесед становилось неловко, как то жутко людям, привыкшим трактовать об этих предметах теоретически, отвлеченно». Что самое главное «Скрябин верил, что наступление конца зависит от него, от того, будет ли он готов и в силах ли он будет поднять страшное бремя, которое, в противном случае, падет на другого, и мир тогда получит отсрочку. В заключительной сцене мировой драмы он видел себя действующим лицом; его жажда последнего совершенства, он был в этом убежден, должна была ускорить события». «Незадолго до смерти» Скрябин говорил Шлецеру: «клянусь тебе, что если бы я сейчас убедился, что есть кто-то другой, кто больше меня и может создать такую радость на земле, которой я не в силах дать, я бы тотчас отошел, уступил бы ему, но сам, конечно, перестал бы жить» и по словам Шлецера это «была не фраза». Как известно, конец мира, согласно воззрениям Скрябина, должен был произойти во время исполнения проектируемой им Мистерии, которая бы вмещала в себе и поэзию, и музыку, и живопись, и пластику и танец. Наряду с музыкальными, живописными, пластическими и поэтическими элементами в Мистерии должны были играть роль запахи, прикосновения и даже вкусовое впе-

чатление. Для Мистерии Скрябин предполагал создать особый язык. Зрители Мистерии одновременно должны были бы быть и ее участниками. «По первоначальному плану Мистерия заканчивалась воспроизведением гибели вселенной, мирового пожара и этот образ должен был вызвать действительную мировую катастрофу. Здесь был еще элемент игры, представления, который позднее исчез бесследно: Скрябин отказался вовсе от мысли определить и заранее разработать финал Мистерии: заканчиваться она должна была смертью человечества в восставшем Боге, но как произойдет эта смерть—это сейчас зафиксировать невозможно. Совершение акта воссоединения братьев в отце должно быть предоставлено новому, преображенному человеку, его любви, т. е. свободной воле участников последнего действия. Конец Мистерии, таким образом, определится во время совершения ее.

Самому исполнению Мистерии, по мысли Скрябина, должен был предшествовать «длинный ряд сложных подготовительных действий, соответствовавших отчасти древним очищениям; должна была совершиться подготовка самих участников, физическая, моральная, эстетическая, религиозно-философская, подготовка местности, постройка храма по определенному ритуалу и т. д.». Одно время Скрябин даже довольно точно определял место совершения Мистерии: «он выбрал Индию, колеблясь между северной, гористой ее частью—колыбелью человечества по популярному взгляду—и южной оконечностью полуострова с ее тропической природой». Сам Шлецер вполне правильно замечает, что «с точки зрения научного мышления мистериальный замысел Скрябина есть безумие».

Другой близкий к Скрябину до последних дней его жизни человек—Сабанеев, в свою очередь вполне подтверждает сказанное о Скрябине Шлецером. По словам Сабанеева, вера Скрябина, «его религия, его догмат, в который он верил всеуверенно, фанатично, до полного проникновения всего своего духовного и творческого существа этою верою» были таковы: «свободно творящий Мира Дух, творящий его как продукт своей «божественной игры», разделяющий полярности своего существа и из них создающий все многообразие явлений материализованного мира, затем стремящийся к обратному воссоединению, через лицо воплощающее идею Духа на земле, создающий конечную Мистерию и этим конечным актом разрушающий материальность вещей».—Себя Скрябин «считал тем, кто обречен создать Мистерию. Вера в свое посланничество в нем была сильна и иррациональна. Эта вера питалась внутренним чувством, внутренним сознанием и никакие рациональные аргументы не были действительны для того, чтобы разубедить его. Он должен был написать Мистерию. Это была та чаша, которая ему была предназначена от рождения и он говорил, что эта чаша тяжела для него, но что в то же самое время вся его жизнь

поддерживается только убежденностью в своем посланничестве. «Я бы не пережил того часа, в который сознал бы, что не могу написать Мистерию» говорил он».

Сабанеев указывает на «тот логический скачек, который делается Скрыбиным при изложении его символа веры именно в тот момент, когда и от идеи Мистерии вообще переходит к идее своей Мистерии, когда он из человека, интроспективно находящего схему пути мироздания, внезапно переходит к себе и отождествляет эту схему с своей миссией». Этот логический скачек заставляет самого Сабанеева поставить такие вопросы: «Был ли тут уже момент безумия, хотя бы и священного. Или было просто ослепление человека, попавшего в сферу понятий, превосходивших в бесконечное число раз его духовные силы. Или же это была наивность художника, все время мечту о сверхреальности принимавшего за самую реальность».

Наконец, дополнением к указаниям Шлецера и Сабанеева могут служить воспоминания о Скрыбине Энгеля. Уже в 1904 г., во время пребывания в Женеве, Скрыбин говорил о своей мечте создать такое искусство, которое «должно сочетаться с философией и религией в нечто неразделимое, единое—так, чтобы создалось новое Евангелие, которое могло бы заменить старое отжившее Евангелие». «У меня есть мечта создать такую мистерию», говорил Скрыбин. «Для нее надо построить особый храм,— может быть здесь (и он, не глядя, обвел неопределенным жестом панораму гор), а может быть далеко отсюда в Индии. Но человечество еще не готово для этого. Надо проповедывать ему, надо повести его по новым путям. Я и проповедаю. Раз даже с лодки,—как Христос. У меня есть здесь кружок людей, которые отлично понимают меня и пойдут за мной. Особенно один,—рыбак. Простой, но славный человек». Интересно, что Энгель, после этих слов Скрыбина, добавляет от себя: «Александр Николаевич говорил, а мне, каюсь, становилось жутко... Увлекательно, красиво! Но когда такие вещи представляются человеку столь же простыми и реально-осуществимыми, как эта поездка которую он совершает, купив этот билет, который держит в руках (разговор происходил во время поездки на пароходе по Женевскому озеру)—начинаешь бояться: в уме ли он!»

В том же биографическом очерке Энгель указывает, что Скрыбин уже на 3-й день знакомства в 1906 г., в Брюсселе с Подгаецким «заговорил с ним о преодолении материальности, о мистерии, о соборном действии, об Индии. На себя Скрыбин смотрел, как на очаг дематериализации. «Моя воля—есть и необходимость (высшая мудрость бытия)» говорил он».

Родился Скрыбин 25 декабря, в самый день Рождества Христова. По словам Энгеля Скрыбин «впоследствии неоднократно указывал на это совпадение, придавая ему некое особое мистическое значение».

Из изложенного видно, насколько парадоксальны были взгляды Скрыбина как на дальнейшую судьбу мира, так в осо-

бенности на ту роль, которую ему предстояло играть, на которую он считал себя обреченным. в предстоящем. по его мнению, в самом недалеком будущем конце мира. Парадоксальность, ненормальность взглядов Скрыбина была настолько велика, поражающа для слушателя, что, как указано выше, Шленгер, прямо заявляет, что во время бесед со Скрыбиным на только, что упомянутые темы «становилось неловко, как то жутко», что «с точки зрения научного мышления Мистериальный замысел Скрыбина есть безумие». Сабанеев, указывая на логический скачек в мышлении Скрыбина, ставит уже прямо вопрос о наличии «безумия». Выше мною уже указано, что за это «безумие» на Сабанеева посыпались упреки со стороны некоторых почитателей Скрыбина. Так, д-р Богородский во 2-м выпуске известий Петроградского Скрыбинского общества, «как друг, как врач Скрыбина протестует «против прозрачного намека на безумие Скрыбина» и утверждает, «что никому из близко знавших Скрыбина людей никогда в голову не могла придти подобная мысль». «Повторилась старая история с приговором над гением!» восклицает он в скобках. И, тем не менее, приходится признать, что со строго научной точки зрения в вышесказанных взглядах Скрыбина, несомненно усматриваются явления душевной ненормальности, характерной для параноидного симптомокомплекса. Постоянно, хронически, с детских лет, на почве наследственного предрасположения, в связи с указанными выше условиями жизни и в семье у родных и в коннуре, развивается эгоцентризм, который, пройдя через периоды богоборчества, самособожествления, в конце концов кристаллизуется в форме бредовой идеи обреченности на исключительную роль во время того мирового экстаза, которым закончится существование вселенной. Уже самое рождение в день Рождества имеет для Скрыбина мистическое значение. Он «как Христос» проповедует с лодки. Апостолы были рыбаки и у него в жизни в числе людей, которые «отлично понимают» его и «пойдут» за ним, есть один рыбак, «простой, но славный человек». Но в дальнейшем и сравнение с Христом уже не удовлетворяет Скрыбина. По словам Ангеля, незадолго до смерти, заспоривши с одним из близких друзей о том, кто центральный Мессия, он доказывал, что Христос—не центральный Мессия нашей расы» (по теософской терминологии). «Центральный Мессия тот, кто создаст замечательный аккорд расы, воссоединение ее с Духом». Таким образом, следует признать, что мы имеем дело с типичным, постепенно развившимся бредом величия. Как типично именно для бреда указание Сабанеева на то, что «никакие рациональные аргументы не были действительны для того, чтобы разубедить его».

Но здесь же следует указать на резкое несоответствие между манерой себя держать, отношениями к окружающим людям, вообще всем поведением Скрыбина и высказываемыми им бредовыми идеями. У Скрыбина не было совершенно того вы-

мерия, той недоступности и, в крайнем случае, той снисходительности высшего к низшим, которые наблюдаются у параноика с бредом величия, если признавать параною, первичное помешательство, как отдельную форму. Обаятельно простой в обращении с окружающими, с которыми он всегда охотно делился и продуктами своего музыкального творчества и своими философскими воззрениями, джентльмен в лучшем значении этого слова, временами детски радостный, способный на детские шалости, Скрябин менее всего походил на типичного параноика. Это несоответствие между теми идеями, которые высказывал Скрябин и всем его поведением мне кажется ближе всего подходит под понятие амбивалентности, т. е. того раздвоения в сфере аффективной, волевой и интеллектуальной, которое наблюдается при шизофрении.

Но прежде чем перейти к более подробному изложению той амбивалентности, которая несомненно наблюдалась у Скрябина, необходимо остановиться на понятии об экстазе, который играл такую большую роль и в музыкальном творчестве Скрябина и в его философских воззрениях и который имел у Скрябина ясно выраженный сексуальный характер. Сам Скрябин так определяет экстаз: «экстаз есть высший под'ем деятельности, экстаз есть вершина. В форме мышления экстаз есть высший синтез; в форме чувства экстаз есть высшее блаженство. В форме пространства экстаз есть высший расцвет и уничтожение». «Высший же синтез есть тот божественный синтез, который в последний момент бытия включает в себя вселенную и дает ей пережить гармонический расцвет (экстаз) и таким образом вернет ее к состоянию покоя, небытию». «Я говорю о последнем экстазе, который уже близко». Сексуальный характер экстаза ярко сказывается в следующих словах Скрябина: «как человек во время полового акта в минуту экстаза теряет сознание и весь его организм во всех точках переживает блаженство, так и Бог-человек, переживая экстаз, наполнит вселенную блаженством и зажжет пожар». В другом месте своих записей Скрябин пишет: «Если личность приобретет способность воздействия на внешний мир в той степени, при которой будет в состоянии по произволу изменять систему отношений в каждый данный момент, то такая личность будет обладать божеским могуществом. Такая личность обратит вселенную в божественный организм. Это будет достижением полной гармонии, пределом под'ема творчества, экстазом. Такая личность будет общей потребностью, потребностью созерцать божественную красоту. Мир отдастся ей, как женщина — любовнику».

По словам Шлецера «в мечтах Скрябина о вселенском конце, ему грезился какой то грандиозный сексуальный акт». В основу постройки храма для исполнения Мистерии «должна была лечь сложная сексуальная символика».

Сам Скрябин несомненно переживал состояния экстаза, когда, по словам Шлецера, «рассудок в нем точно потухал и

духу его, вместе с тем нечто открывалось». Таков он был мгновениями, когда создавал божественную поэму, позднее—5-ю сонату, «Прометей», «Предварительное Действо», когда он играл не в концерте, но дома, не думая вовсе о своих слушателях». Только раз, на своем последнем концерте в Петрограде, весной 1915 г. при исполнении своей 3-й сонаты Скрябин, как он признался потом Шмецеру, совершенно забыл, что он находится в концертном зале, что кругом сидит публика, что он исполняет перед нею сонату... Он вообще не отдавал себе отчета, что он играет, не ощущал и самого себя: «такое чувство мне очень редко приходилось переживать на эстраде», сказал он. Считая такое состояние экстаза одним из проявлений истерии, к таковым же следует причислить и некоторые садистические черты в характере Скрябина. Уже Игорь Глебов в своей статье о Скрябине характеризует как «наслаждения садиста», стремления его идти «навстречу мраку, боли и терзаниям». Характерными в этом отношении напр. являются следующие места из Поэмы Экстаза:

«Тогда я ринусь на тебя,
Толпой чудовищ страшных
С диким ужасом терзаний,
Я напозу кишачим стадом змей
И буду жалить и душить.
А ты будешь хотеть
Все безумней, сильнее».

или в другом месте той-же поэмы:

«Что угрожало —
Теперь возбужденье,
Что ужасало —
Теперь наслажденье,
И стали укусы пантер и геен
Лишь новою лаской,
Новым терзаньем,
А жало змеи
Лишь лобзаньем сжигающим».

Выше мною было уже указано на несоответствие между теми идеями величия, которые высказывал Скрябин и его поведением по отношению к окружающим лицам—явление ближе всего подходящее к понятию амбивалентности. Но этим не ограничиваются явления амбивалентности наблюдавшиеся у Скрябина. Уже сама эта «тяга к смешанным чувствованиям, к блаженству страдания» (Лаппин) является своего рода амбивалентностью. Амбивалентность проявлялась и в самом музыкальном творчестве Скрябина, в той двойственности, которая, по словам Сабанеева, «всегда сохранилась в Скрябине, которая проявлялась в его внезапных переходах от космических перспектив к салонному изяществу, которая совмещала причудливым образом в нем лик грандиозного с внешним утончением, которая заставляла его часто после величественного жеста миротворца,

вдруг рассыпаться причудливыми блестящими сатанистскими огней и улетать каким-то астральным, не то зловещим, не то изящным призраком,» одним словом способность одновременно быть—Прометеем и Эльфом. В другом месте своей монографии о Скрябине Сабанеев говорит о «двойственности его психики, все время стремившейся соединить изящество с грандиозностью, индивидуализм с соборностью и нежный аристократизм своей личной организации с демагогическими и даже космогоническими устремлениями».

Наряду с явлениями амбивалентности у Скрябина следует отметить и явления ясно выраженного аутизма и этот все возрастающий аутизм определенно отмечается всеми лицами близко знавшими Скрябина. Так Сабанеев говорит: «я наблюдал в его жизни как бы некоторое центробежное движение от земли. Он дематериализировался, он терял границу сознания мечты и действительности. В его представлении мечта становилась явью, в нее он верил как в самую ощутительную реальность, а мир, действительность, он начинал воспринимать день ото дня все смутнее и призрачнее, на его место становился какой-то новый, им созданный, легендарный мир, не совпадавший с действительным». Свою монографию о Скрябине Сабанеев заканчивает словами: «он был не от мира сего, и как человек и как музыкант. Только моментами прозревал он свою трагедию оторванности и когда прозревал, не хотел в нее верить... Шумы внешнего мира только отдаленно доносились до него и когда этот нестройный гул врывается в его душу, то он не считался с ним—это было для него каким-то свиданием, а реальностью он почитал свою мечту о мире и людях, как они должны были бы быть».

Насколько отразился патологический душевный облик Скрябина в его музыкальном творчестве? Прежде всего следует указать, что его музыкальное творчество отнюдь не является таким революционным, каким оно кажется и казалось многим на первый взгляд. В подтверждение этого можно сослаться на мнение авторитетных в этом отношении лиц. Так Каратыгин, разбирая в своей статье музыкальное творчество Скрябина, говорит, что он «творит не в разрушение, но в расширение и обобщение старых норм». Но Игорю Глебову судьба не велела Скрябину «резко свернуть с пути и наметить новые вехи на новой земле. Она приказала ему только продолжать, но продолжать в таком быстром устремлении, что немногие могли разглядеть в этом беге эволюцию, т. е. постепенное развитие, а не новые всходы на новом поле». Тождественно мнение о творчестве Скрябина и Сабанеева. По его мнению «явление Скрябина глубоко органическое и эволюционное, а не революционное». «Скрябин-композитор—дитя прошлого, законный сын классических предков»,—«революционность его приемов письма преувеличена—з сущности он более эволюционист, чем неспровергатель основ, и его музыка заключает в себе слишком много

моментов редукции, упрощения, возвращения к бывшему (форма, полифония). «Мятежный и революционный в эмоциональном мире своих звуковых настроений» Скрябин «эти настроения выволакивал в строжайшие, нарочито правильные, ультра-классические формы». Сабанеев этот контраст простоты целого и сложности деталей, это «противоречие между изысканностью и схемой» называет психологическим диссонансом. Но этот психологический диссонанс и есть та амбивалентность, которая проявляется и в музыкальном творчестве Скрябина— «смесь интуитивности—горячего иступленного общего тона с рационализирующим структурным элементом, причем «этот» последний все время прогрессирует, придавая последнему периоду характер схематической выкладки, а первый—развивается, доходя до неврастенической, иступленной разорванности музыкальных линий» (Сабанеев). Результатом этой амбивалентности является то обстоятельство, что, как говорит Сабанеев, «великий гений сумел примирить Аполлона и Диониса, сумел слить схему простоты со сложностью, величайшее дарование новаторства с величайшим смиренным преемственностью, сумел из ряда волнующих контрастов явить лишь экстатической красоты». Совершенно правильно отмечает Сабанеев, «что в этом диссонансе», т. е. амбивалентности «есть нечто глубоко и органически гармонирующее с обликом Скрябина, человека и художника».

Но такой же органически гармонирующей с психическим обликом Скрябина чертой является и аутизм, который, как и амбивалентность, резко сказывается и в музыкальном творчестве композитора. У тех же авторов, которыми мы пользовались для описания музыкальной амбивалентности, можно найти указания для констатирования наличия у Скрябина в его музыкальном творчестве и явлений ярко выраженного аутизма. «Это не наши «домашние» горести и стоны, как не наш—ледяной «покой» знаменитого прелюда (ор. 74 № 2) и не наша радость экстатического полета восьмой сонаты и светлых прозрений десятой. Не «наши» в смысле житейском, но глубоко наши, т. е. истинно человеческие в тех душевных глубинах, где вечно существует наша связь со стихиями и куда влечется сознание современного человечества, чтобы стать «космическим сознанием, «интуитивно постигающим все, чем строится Вселенная» говорит о произведениях Скрябина последнего периода Игорь Глебов. По мнению Сабанеева, Скрябин уже после своей третьей симфонии «окончательно замыкается в свой мир». «Для него замолкли, стали непонятны и темны «песни земли», которые когда-то и он пел вместе с человечеством, стали непонятны те переживания трагизма, гнетущей тоски, которым и он отдавал дань»...

«Кроме экстатических настроений и в них приводящих—никакие иные его не интересуют, даже чужды и противны ему».

Тот же Сабанеев ярко описывает как постепенно происходило это «от'единение от мира» Скрябина — «он внешне изменился, стал менее экспансивен с посторонними, стал уединеннее в образе жизни. Все более и более погружался он в специфический замкнутый мир своих мечтаний и музыкальных грез. И все дальше, непонятнее, несоизмеримее ему делался и весь музыкальный мир, со всей старой музыкой (даже его собственной), вообще мир, который он как-то рассматривал через призму своей Мистерии, «он постепенно, но упорно терял чувство реальности». Наконец, также ярко описывает то впечатление, которое производил аутизм Скрябина, особенно проявившийся в его произведениях последних годов Шлецер: «в связи с исключительной, чуждой борьбы и трагедии экзотичностью Скрябина, эта абсолютная духовность и сверхличность производили иногда впечатление какого-то холода: весь этот огненный мир Скрябинских переживаний, слишком уже радостный и светлый, в особенности в последние годы, лишен был, казалось, человечности, теплоты, и душно, тяжело было мгновениями обычному сознанию в его слепительных лучах».

С интересующей нас точки зрения имеет также значение склонность, любовь Скрябина и как композитора, и как мыслителя к определенным формам, схемам, причем с годами эта тенденция усиливалась. «Схемы эти», по словам Шлецера, «были не только логические, но и графические; он вычерчивал их с большой тщательностью и старательностью циркулем и линейкой. Линиями и геометрическими фигурами он пытался наглядно прообразить переживаемые им непосредственно отношения между миром, личностью, Богом, между действительностью, искусством, религией, наукой». В этом отношении очень интересны снимки с рисунков Скрябина, помещенные в 6 томе «Русских Прописей» 1919 г. Эти рисунки-схемы очень напоминают те рисунки-схемы, при помощи которых душевно-больные с паранойдным синдромом поясняют свои бредовые идеи. Характерно замечание Шлецера, что к своим чертежам-схемам Скрябин относился всегда «с какой-то особенной нежностью, немного даже наивной».

Таким образом, резюмируя все вышесказанное, приходится признать, что Скрябин наряду с астенической физической конституцией (бросается в глаза напр. короткость его черепа, особенно хорошо заметная на силуэтном портрете, помещенном в Музыкальном Современнике (1916 г. № 4-5), со стороны психической сферы представлял ряд патологических черт, характерных для того душевного расстройства, которое носит название пизофрени.

Резко выраженная амбивалентность, постоянно прогрессирующий аутизм и наряду с этим идеи о своей обреченности, предназначенности на особую мировую роль, идеи, имеющие несомненно бредовой характер, все это вместе взятое заставляет

думать о наличии, по крайней мере в последние годы жизни композитора, не шизоидного темперамента (как это понимает Кречмер), а уже ясно выраженной шизофрении.

Такие явления, как склонность Скрябина к систематическому, абстрактному последовательному мышлению, стремление осчастливить людей, но именно «людей», а не отдельно Петра или Ивана, «мистическое смешение религии и сексуальности», склонность к схематичности, строгим формам, причем, как указывает на это Кречмер, «господствующее иррациональное содержание, напр. мистически-религиозного характера, выливается в чистую схему понятий, цифр, номеров и геометрических фигур», дополняет картину шизофренического душевного расстройства. Но наряду с явлениями шизофрении у Скрябина наблюдались и явления истерического характера—припадки, состояние экстаза, известного рода инфантилизм, резкая изменчивость настроения, быстрое увлечение и охлаждение к людям, намеки на садизм. Наконец ярко выраженная мнительность и рассеянность подтверждают мнение Кречмера о том, что «великие композиторы преимущественно обнаруживают сложные биологические конституциональные сочетания».

Теперь следует перейти к выяснению трудного вопроса о соотношении между творчеством Скрябина и наблюдавшимся у него психозом. Д-р Богородский, как уже указано выше, протестует даже «против прозрачного намека на безумие Скрябина» и при этом патетически восклицает: «повторилась старая история с приговором над гением». Вячеслав Иванов более тонко протестует против «обиходных средств так-называемого психологического анализа гениальных манифестаций, которые в этой плоскости неизбежно обличаются как проявление болезненности». Но не является ли творчество Скрябина, по выражению одного из друзей его (Брянчанинова), «правдой завтрашней, сотканной из безумных мечтаний сегодняшнего». И не являются ли гении—ясновидцы грядущего таковыми в связи с наличием у них той или иной степени безумия. Правда, предположение о том, что «поэтическое творчество создается или на почве ненормальной личности или вследствие психотического процесса» представляется слишком примитивным, упрощенным. «сумасшедший»—не оценка ни в искусстве, ни в жизни» замечает один немецкий психиатр (Rudolf Allers).

Вопрос о соотношении между творчеством и душевным расстройством представляется более сложным, более трудным для своего решения и даже в настоящее время, несмотря на ряд работ в этом направлении, не может считаться вполне выясненным. Несомненно только одно, что с постепенным выяснением этого вопроса, должна будет постепенно уменьшаться та враждебность, которая проявлялась по отношению к попыткам психиатров подходить к объяснению художественного творчества на основании данных их специальности. Следует сознаться,

что намеки на то объяснение, которое дает соотношению между творчеством и душевную болезнь современная психиатрия. имеются и уже сравнительно давно в трудах не психиатров. Уже Мережковский указал, что у Достоевского «в мыслях о болезни, как об источнике какого-то высшего, или, по крайней мере, не всем доступного бытия, сходится с «мерзавцем» и «развратником» Свидригайловым и «свитой» князь Мышкин — «идиот».

Джемс («Многобразие религиозного опыта» А. Лазарев. Прагматизм, Русская Мысль, 1909 г., X.) «не только оспаривает против манеры обесценивать религиозные переживания указанием на их нередкую связь с патологической душевной организацией, но, напротив, видит в «психопатическом темпераменте» естественное условие для всякого идущего вглубь религиозного развития и задает вопрос, не вводит ли подобный темперамент в такие области религиозной истины, в такие закоулки вселенной, которые навсегда останутся сокрытыми от самодовольного обладателя здоровой нервной системы. Обыденное, нормальное сознание, опирающееся на внешних чувствах и рассудке, есть только поверхностный слой человеческой психики, только вырезка из более обширного, подсознательного «Я» и в сумеречной сфере этого подсознательного «Я» может быть, более мощного у субъектов патологических, ищет Джемс истоков религиозного откровения». Но несомненно, что все то, что говорит здесь Джемс об этическом творчестве, может быть приложимо и к творчеству художественному, философскому.

Наконец в течение последних лет появился ряд психиатрических исследований, пытающихся подойти к решению проблемы о соотношении творчества и душевного расстройства. Как на наиболее выдающуюся из них следует указать на работу Jaspers'a (Strindberg und van Gogh. Leipzig 1922), в которой автор ставит ряд вопросов о соотношении между душевным расстройством, в частности шизофренией, и творчеством и пытается так или иначе ответить на этот вопрос. Он считает, что шизофрения является специфическим условием для проявления творчества, причем ее действие не ограничивается только устранением задержек, но и проявляется в том, что она способствует обнаруживанию новых переживаний, новых творческих сил. Можно указать еще на работу Demole'я (Rôle du temperament et des idées délirantes de Rousseau dans la genèse de ses principales théories. Ann. méd. psychol. 1922 №), в которой автор рассматривает Rousseau как страдающего шизофренией, имевшей сначала более гебефренический, а позднее параноидный характер. По мнению Demole'я психоз не только не парализовал, не разрушил духовную сущность Rousseau, но, напротив, возбудил ее и уже в зрелом возрасте вызвал импульс к творчеству. Таким образом своею продуктивностью Rousseau обязан своему пси-

хожу, причем психоз своими патологическими чертами, амбивалентностью, аутизмом, параноидной персекуцией своих сил, способностей, наложил печать и на самый характер произведений философа.

Д-р Сегалин *) в своих работах, посвященных происхождению, генизису гениальности и одаренности, основываясь на учении менделелизма, все задатки развивающегося организма разделяет на 2 группы: на скрытые, гипостатические и открытые, эпистатические, которые подавляют, тормозят гипостатические. И те и другие антагонистичны между собой. Для выявления скрытых гипостатических задатков должен появиться 3-й фактор, устраняющий господство эпистатических тормозов. Для выявления гениальной одаренности необходимы: родовое накопление гипостатической энергии, называемой одаренностью—кумулятивный компонент одаренности и 2-й фактор, в форме скрытого или явного психотизма,—диссоциативный компонент одаренности и гениальности, благодаря которому растормаживаются скрытые кумулятивные силы, появляется гипостатическая реакция.

Дополнительными моментами, способствующими гипостатической реакции, являются интерференция расовых антагонистов (антагонизирующих в одно и тоже время с основным психотическим антагонистом) и интерференция других, еще нам неизвестных, антагонистов.

Вот только с этой новой точки зрения и должно рассматриваться соотношение между душевным расстройством Скрябина и его творчеством и, конечно, констатирование наличия душевного расстройства в данном случае не является ни «приговором над гением», ни «обличением «гениальных манифестаций» «как проявлений болезненности». По словам Шлецера у Скрябина тот процесс постепенного укрепления, расширения и углубления его личности, процесс организации всех его физических и духовных сил, постоянными свидетелями которого мы были, сводился, таким образом, к постепенному проникновению в его личность какой-то высшей силы. Называю ее именно «вышей», ибо результатом этого процесса овладения был не распад, но расцвет его психей: тому доказательство его художественные произведения. Ведь в экстазе Скрябина был источник его творчества и всей его деятельности столь цельной и планомерной». Этой «вышей» силой несомненно и является тот патологический процесс, который постепенно овладевал психической личностью Скрябина. Шлецер приводит следующий, как сам он подчеркивает «чрезвычайно знаменательный» факт: «в более ранние годы, до создания последних пяти сонат и «Прометей», Скрябин иногда отстаивал значение в некоторых случаях физического опьянения для возбуждения творчества и расширения обычных пределов личности, могу-

*) Клин. арх. ген. и одарен. выпуски I и II 1925 г.

щей найти таким образом в вине хотя бы краткое освобождение». Но позднее взгляд его на физическое опьянение совершенно переменялся: он стал в нем видеть признак духовной слабости, и потребность художника в искусственных возбуждителях сделалась для него показателем его ничтожной духовной высоты, его незрелости и недостаточного мистического развития. И в нем самом, одновременно потребность эта совершенно исчезла. «Мне вино не нужно» говорил он тогда и это произошло потому, что вино заменило то великое по своим результатам «безумие», которое постепенно овладевало Скрябиным и которое лучше всякого вина служило ему для возбуждения творчества и расширения обычных пределов личности. Сам Скрябин, по словам Коптяева, любил повторять фразу «право, я еще недостаточно сумасшедший!» и, таким образом, может быть, бессознательно верно определял один из источников своего творчества.

Скрябин трагически умер не успев осуществить свою заветную мечту—Мистерию, но, как совершенно верно говорит Сабанеев, «как ни смотреть на эту Мистерию, на эту мечту, как на безумие, или как на осуществимую мистическую реальность, для нас, исследующих его творческий путь, видно, что она была основным двигателем его творчества. Мы должны быть бесконечно благодарны этому великому безумию за то, что оно дало нам всего Скрябина—художника, всего Скрябина—человека с его экстатической устремленной душой, со всем блеском его художественных грез, рожденных идеей Мистерии».

ЛИТЕРАТУРА.

- 1) Лазарев А. Прагматизм. Русская Мысль 1909, X.
 - 2) Гунст Евгений Скрыбин А. Н. и его творчество. Москва 1915.
 - 3) Русская Музыкальная Газета 1915 г. № 17—18.
 - 4) Каратыгин В. Г. Скрыбин. Петроград. Изд. Н. И. Бутковской.
 - 5) Коптяев А. П. «А. Н. Скрыбин.» Москва 1916.
 - 6) Музыкальный Современник 1916 г. № 4—5.
 - 7) Черкас Н. И. Скрыбин как пианист и фортепианный композитор. Петроград 1916.
 - 8) Сабанеев Л. Скрыбин. Москва 1916.
 - 9) Шилкин Д. С. Искусство и Мистика. Петроград 1916.
 - 10) Известия Петроградского Скрыбинского Общества выпуск № 1, 1916 г., № 2, 1917 г.
 - 11) Брюсова И. Два пути музыкальной мысли. Шопен и Скрыбин. Мелос. Книга первая. С. Петербург 1917.
 - 12) Русские Пропилеи т. 6. Москва 1919.
 - 13) Глебов Игорь. Статья в программе Государственной Филармонии 1921.
 - 14) Глебов Игорь. Скрыбин 1921. Петроград.
 - 15) Письма Скрыбина к Лядову. Орфей, книга 1-я. Петербург 1922.
 - 16) Переписка А. Н. Скрыбина и М. П. Беляева. Петербург 1922.
 - 17) Луначарский А. Последние пьесы Г. Гауптмана. Современник, книга I, Москва, 1922.
 - 18) Сабанеев Л. Скрыбин. Москва 1922.
 - 19) Сабанеев Л. Новое в нашей музыке. Шиповник № 1 Москва 1922.
 - 20) Лапшин И. Заветные думы Скрыбина, Петроград 1922.
 - 21) Jaspers Karl Strindberg und van Gogh. Leipzig. 1922.
 - 22) Demole Victor. Rôle du temperament et des idées délirantes de Rousseau dans la genèse de ses principales théories Ann. méd. pshychol, 1922 (реф. в Zentralblatt f. die ges. Neur. und Psych. B. XXX, N. 3/4 J. 118).
 - 23) Письма Скрыбина. Изд. Новая Москва 1923.
 - 24) Шлецер Б. Ф. А. Скрыбин. Т. I Берлин. 1923.
 - 25) Кречмер Э. Строение тела и характер. Госиздательство 1924.
 - 26) Луначарский А. В. Танеев и Скрыбин. «Новый Мир» 1925—6.
 - 27) Яковлев Вас. А. Н. Скрыбин. Москва—Ленинград 1925.
-

О суицидомании Максима Горького.

Личность Максима Горького в свете совершенного им в декабре 1887 г. *) покушения на самоубийство.

Д-ра Н. Б. Галант.

Влечение к самоубийству или суицидомания (suicidomania)— явление, которое как много других непонятных явлений, сделалось в науке «вопросом», принадлежит к так называемым «проклятым вопросам» науки, ибо оно кажется на первый взгляд неразрешимым, или оно действительно неразрешимо. Нам поэтому кажется необходимым прежде чем говорить о суицидомании *Горького* разобраться как следует в самом вопросе самоубийства, ибо только таким путем мы облегчим себе впоследствии задачу, состоящую в анализе личности Максима Горького, (собственно душевной его жизни) в связи с его суицидоманией.

Главная ось, вокруг которой вращается проблема самоубийства это вопрос о том имеем ли мы при самоубийстве дело с проявлением душевной болезни, и самоубийство есть явление *психопатологическое*, свидетельствующее о тяжелом невропсихическом *расстройстве*, или же самоубийство есть (или может быть) явление «нормальное» т. е. не вытекающее из психопатогенных мотивов. Разрешение этого *принципиального* вопроса, как это почувствует читатель сам, весьма важно и без него никак нельзя двинуть вперед проблему самоубийства и прервать ее из «научного вопроса» в научно обоснованную истину, объясняющую вполне удовлетворительно явление самоубийства.

К несчастью, вопрос этот до сих пор *не* разрешен, и мнения расходятся. Я говорю «к несчастью», ибо вопрос этот один из самых древних вопросов, а в психиатрии он зародился одновременно с зарождением и современным развитием этой науки в конце 18 и начале 19 столетия (французская школа—*Эскироль*

*) За точность указанного года (1887) я не ручаюсь, ибо сам *Горький* в «Моиx университетах», рассказывая о своем покушении на самоубийство (XVI т. полного собрания сочинений *Горького*, стр. 76. ГИЗ Ленинград 1924) удовлетворяется одним только указанием месяца этого события. Высчитав, что *Горький* страдал лихорадочным своим делирием в 1889—90 г., я, основываясь на том, что *Горький* говорит, что он лишь потому не покончил во время этой болезни самоубийством, что *два года тому назад* убедился, «как унизительна глупость самоубийства» нашел 1887 год настоящим годом первой попытки *Горького* покончить самоубийством. Ошибка возможна в границах 1886—1888 г.

(Esquiro), и если даже не верить старой мудрости Гете (Goethe), что никто не мыслит абсолютно новое, уже раньше не высказанные мысли («Wer kann was Dummes, wer was Kluges denken, das nicht die Vorwelt schon gedacht»), то что касается вопроса самоубийства, здесь была высказана такая масса всевозможных мнений, что действительно трудно поручиться, что в ближайшем будущем предстоит совершенно новое, радикальное разрешение вопроса. Познакомимся однако со старыми и новыми научными взглядами на самоубийство.

По *Вейхбротту* (Weichbrodt) у евреев библейской эпохи самоубийство не встречалось, и в Библии нет слова, соответствующего слову самоубийство, имеющемуся во всех языках *) В талмудическую эпоху самоубийство очевидно благодаря более близкому знакомству с другими народами начало распространяться среди евреев, и талмуд различает двоякого рода самоубийство: преднамеренно обдуманное, вполне сознательно совершенное самоубийство, и самоубийство в состоянии невменяемости, самоубийство душевно-больных, перепитых, несовершеннолетних, а также самоубийство находящегося в битве со врагом воина в случае неблагоприятного для него исхода битвы. Особенно сильно распространилось самоубийство среди древних евреев ко времени второго разрушения храма в связи с катастрофическим положением страны, так что ученые начали вести борьбу с этим злом. Josephus, который между прочим сам кончил самоубийством, когда ему угрожала смерть от руки врага, писал: «Почему мы спешим пролить нашу собственную кровь? Почему мы хотим насильно разорвать ту тесную связь, которая существует между душой и телом?.. Ведь везде в природе, всему на земле живущему чуждо стремление к самоубийству, которое есть преступление перед богом, нашим творцом. Нет животного, которое преднамеренно убило бы себя...»

У всех древних и даже первобытных народов—у египтян, греков, римлян, у германцев, индийцев и т. д. самоубийство было очень распространено то как народный обычай, то как средство «хорошо умереть». «Хорошо умереть» значило по *Сенеке* избежать опасности плохо жить... У германцев старики,

*) С этим мнением Weichbrodt'a не совпадает случай Саула. В 31-й главе Liber I Samuelis, идет рассказ о иудейской войне Саула с филистимлянами, Саул, будучи совершенно побежден и не желая попасть в плен, просил своего оруженосца, чтобы он его убил, на что этот последний не согласился. Тогда Саул сам бросился на острие своего меча и умер, — оруженосец последовал его примеру. В первой главе Liber II Samuelis рассказывается, что несколько дней после этого к Давиду явился некий амалекитянин, заявивший, что он докончил Саула, которого он нашел умирающим на своем мече по собственной его просьбе, думая, очевидно, получить за это награду, т. е. Саул был врагом Давида. Однако Давид приказал убить этого амалекитянина за то, что он поднял руку на милопомазанника Бога. Судя по этим библейским рассказам, самоубийства, правда, в весьма редких исключительных случаях происходили и у древнейших евреев и это простая случайность, если в Библию не попало слово обозначающее самоубийство.

чувствуя приближение старческой слабости, убивали себя, у герулов замужня женщина не должна была пережить своего мужа, как и у индийцев, у которых вдова по смерти мужа, а слуга по смерти хозяина кончали самоубийством.

Насколько в древности, в частности у римлян было распространено самоубийство можно судить по тому факту, что Тацит, рассказывая о самоубийстве префекта Рима, Lucius Piso, говорит, что он умер естественной смертью!..

Таким образом, у древних народов самоубийство равнялось естественной смерти и считалось вполне нормальным явлением.

Иначе смотрит на самоубийство новая и новейшая психиатрия. Отец современной научной психиатрии, Эскироль, защищал мнение, что самоубийство во всех случаях—явление патологическое, и берет оно свое начало в болезненных состояниях души. Он указывает на наследственный характер склонности к самсубийству и сообщает случай, где бабушка, мать, дочь и внучка кончали самоубийством. Подобный случай сообщает Вольтер (Voltaire). «Я видел почти собственными глазами самоубийство, которое заслуживает внимания врачей. Зрелого возраста человек, живший в хороших условиях, занимавшийся серьезным трудом, не подверженный никаким страстям, наложил на себя 17 октября 1769 года руки и оставил магистрату города, в котором он жил, посмертную записку, в которой он извинялся за свой поступок. Опубликовать этот документ не нашли нужным из за боязни вызвать и других людей на подобного рода поступок. До этого пункта мы ничего экстраординарного не видим, подобные случаи попадаются везде. Поражает лишь следующее: его брат и отец тоже кончили самоубийством в том же возрасте. Какая тайная закладка духа, какая симпатия, какое содействие психических законов ведет отца и двух его сыновей к тому, что они в том же возрасте, одним и тем же образом от своей же руки погибают».

Все выдающиеся психиатры недавно протекших и наших дней стоят что касается самоубийства на точке зрения Эскироля. Вернике (Wernicke) высказывается к этому пункту следующим образом: «Кто после потери огромного состояния, после приговора к лишающему чести наказанию, после смерти любимого лица накладывает на себя руки действует под влиянием переоцененной идеи (übervertige idee), и мы принуждены признать этот акт ненормальным, хотя и нельзя низвести его на душевную болезнь. В каждом единичном случае надо будет поэтому установить, имеем ли мы перед собою болезненно переоцененную идею, или же таковую, которая помещается в границах здорового. Решение этого вопроса мы склонны будем поставить в зависимость от того достаточен ли мотив, который одарил данное воспоминание этим доминирующим аффектом или нет.

Гаупп (Gaupp) говорит о многих людях, которых мы не можем назвать душевно-больными, которые однако обнаруживают некоторые болезненные черты—это от природы нервные,

психопатические дегенеративные личности. Они часто рождаются от душевно-больных, нервно-больных, запоем пьющих, слабых родителей. Вырожденцы (дегенераты) обнаруживают строение духа, дающее благоприятную почву для мыслей о самоубийстве: сносный ум, большая возбужденность не отличающихся продолжительностью чувств, слабые импульсы воли, не увенчающиеся успехом спльно-подчеркнутые эгоистические инстинкты, повышенная чувствительность к неприятным впечатлениям и переживаниям—такая смесь душевных способностей оказывается мало способной к борьбе с бурями жизни. Эти индивиды легко разочаровываются в жизни и при повышенной аффективной возбужденности таких психопатических личностей дело легко доходит до несбдуманных поступков (самоубийство).

Величайший психиатр земли русской *Сергей Сергеевич Корсаков* смотрит на самоубийство в лучшем случае как на акт результирующий из психической неуравновешенности. «Самоубийство есть явление, встречающееся нередко в жизни и причисляемое к актам, не выходящим из круга поступков, которые может совершить и вполне нормальный человек. Действительно, когда человек решается на самоубийство из чувства долга или на основании требований рассудка, то это может быть и при здоровом уме. Но статистика показывает, несомненно, что большинство самоубийц происходит из психопатических семей и сами по себе представляют нередко резкие признаки психической неуравновешенности.

Поэтому в громадном большинстве случаев приходится смотреть на самоубийство, даже вызываемое экономическими и общественными условиями, отсутствием нравственных устоев и высших идеалов, как на акт душевного (может быть кратковременного) расстройства. И, действительно, часто мы видим стремление к самоубийству у лиц, формально психически расстроенных, особенно у меланхоликов».

Все же у *Корсакова* можно бычитать если не прямое, то во всяком случае косвенное указание на возможность толкования самоубийства, как не вытекающего из психической природы человека. А некоторые современные психиатры прямо так утверждают, что загадка самоубийства не может найти своего разрешения указанием на психопатогенное происхождение его. *Груле* (Grühle) пишет в своей «психиатрии для врачей»: «Это напрасная игра понятиями и словами, если обсуждают вопрос представляет ли собой самоубийство патологический акт или же принадлежит он области нормальных явлений. Это твердо установленный факт, что оно часто вытекает из настроений, которые обладают аномальной глубиной и силой. Твердо установлен и другой факт, что судьба и обстоятельства жизни человека до того запутываются, что при спокойном обдумывании положения самоубийство представляется единственно возможным выходом из положения».

Бирнбаум (Birnbäum) высказывается к проблеме самоубийства как следует: «Многочисленные, между собой переплетенные внутренние и внешние сцепления, вся запутанная ткань, в которой душевные задачи и развитие, внутренние мотивы и внешние обстоятельства, психическая ситуация и положение в жизни, вместе действуя, ведут к этому конечному пункту (самоубийству)—никогда не могут быть распутаны и разрешимы односторонним увлечением одной какой-нибудь нитью клубка. Но так же мало разрешима загадка самоубийства, если не выделить и не оценить как следует существенно патологический уклон явления. Самоубийство само по себе не есть еще патологический феномен, все же оно часто бывает таковым, и нередко оно бывает таковым в первую линию». Вслед затем *Бирнбаум* еще раз подчеркивает: «Загадку самоубийства нельзя разрешить одним указанием на психопатологический генез его».

Из вышеприведенных мнений психиатров о природе самоубийства явствует, что все они, в противоположность господствовавшему в древнем мире взгляду на самоубийство, как на нормальное явление, видят в самоубийстве главным образом проявление болезненного душевного состояния, и расходятся психиатры в своих мнениях лишь постольку, поскольку они склонны видеть в исключительных случаях в самоубийстве нечто «разумное», акт вытекающий так сказать необходимо из стечений обстоятельств и представляющий единственный выход из положения. Решения проблемы самоубийства в отвлеченном смысле, т. е. независимо от конкретного случая, быть не может, т. к. оно должно было бы сводиться к выводу, что самоубийство есть явление то нормальное, то ненормальное, что собственно ничего не говорит о самой сущности явления, и оставляет нас в нерешительности и даже серьезном смущении. Каждый же единичный случай самоубийства представляет собой очень сложную задачу, где физиология и патология до того между собой переплетаются, что трудно точно сказать какому элементу следует отдать предпочтение и следует ли говорить о «физиологическом» или «патологическом» самоубийстве.

Таковы результаты естественно-научного исследования проблемы самоубийства, сводящиеся к решению вопроса о естественности («нормальное» явление) и неестественности («ненормальное» явление) самоубийства, и которые, к сожалению, не могут быть названы вполне удовлетворительными. Посмотрим теперь как обстоит дело с философской стороной вопроса. «Философия» самоубийства вращается вокруг вопроса о нравственности и безнравственности самоубийства, и философское изучение вопроса самоубийства гораздо старше естественно-научного его изучения. На необходимость этого двустороннего изучения самоубийства в очень красивой форме указывает в 13 книге «*Dichtung et Wahrheit* Гете: «Самоубийство есть собы-

тие человеческой природы, которое, хотя оно уже с давних пор и очень обстоятельно обсуждается, требует от каждого человека участия и в каждой эпохе должно сызнова обсуждаться. Ведь неестественно же, что человек отрывается от самого себя, и не только повреждает, но уничтожает себя; отвращение к жизни имеет физиологические и моральные свои причины: первые причины должны быть изучены врачом, последние моралистом».

Из древних философов *Аристотель* смотрел на самоубийство, как на безнравственный поступок, безнравственный не по отношению к самому себе, а по отношению к государству. *Эпикур* находил человека, кончающего самоубийством, потому что ему жизнь опостыла, смешным, осуждая таким образом самоубийцу как лишенного твердых моральных принципов человека. В противоположность такому взгляду стойки защищали мнение, что прощаясь с жизнью должно быть каждому дозволено и самоубийство рассматривалось в философской школе стоиков, как добродетель. *Зено* (Zeno) повесился в глубокой старости после того как он упал и поломал себе палец. Народ воздвигнул ему памятник с надписью: «Жизнь его сошла с его учением».

Учение стоиков о самоубийстве нашло себе среди римских философов приверженца в лице *Сенеки* (Seneca), который защищал «свободу» умирать кому как хочется. Указывая на то, что все люди имеют один только вход в жизнь и много различных выходов из жизни, *Сенека* проповедывал: «Если несчастье настойчиво преследует несчастье, то он в каждый момент может уйти из жизни. Дверь открыта. Кто не хочет дольше оставаться, может уходить».

Видишь ты тот крутой отвес? Оттуда вниз дорога к свободе! Видишь ты там море, реку, колодезь? На их дне живет свобода! Видишь ты то небольшое, иссохшее, искривленное дерево? На нем висит свобода!.. Ты спрашиваешь, каков самый легкий путь к свободе—каждая артерия твоего тела—такой путь к свободе!»

Религиозная философия (монотеистические религии) осуждает самоубийство, как преступление, и лишь немногие отцы церкви как *Евсевий* (Eusebius), *Христом* (Chrisostomas), *Иероним* (Hieronymus) извиняют самоубийство в случаях, где невинность подвержена опасности. *Магомет* (Mohammed) прямо запрещает самоубийство: «Не будьте самоубийцами; кто провинится против этой заповеди, того пожрет огонь ада» (Коран, Сура 4).

Эта религиозная агитация против самоубийства вела к тому, что в религиозные века средневековья при всем том отрицании жизни, которым отличалась эта историческая эпоха, самоубийство было весьма редким явлением и жизнь меняли обыкновенно произвольным заточением в монастырь, а не смертью.

Философия XVIII и XIX столетий в лице некоторых своих главных представителей видела в самоубийстве безнравственный поступок. Кант (Kant) обозначал самоубийство безнравственным поступком, т. к. самоубийца унижает этим поступком в своем лице человеческое наше достоинство. Шопенгауэр (Schopenhauer) говорит, что самоубийство стоит на дороге к выполнению высших моральных целей, т. к. оно вместо настоящего освобождения от мира горя и мучений дает лишь фиктивное освобождение из пленения. Однако, он далек от того, чтобы объявить самоубийство преступлением и говорит, что надо осудить самоубийство, чтобы не быть осуждимым на самоубийство.

Не станем далее излагать мнения различных философов о нравственности или безнравственности самоубийства, т. к. из них ничего нового из этих мнений не извлечем. Взгляды на самоубийство меняются от философа к философу и, что более интересно, у одного и того же философа в зависимости от того, каковы мотивы самоубийства. Так Гегбель (Hegel) думает, что самоубийство всегда грех, если оно вызвано какой-нибудь одной деталью жизни, а не совокупностью всех обстоятельств жизни, не «всей жизнью». Мы видим здесь до чего произвольны философские понятия морали и как трудно строить мораль самоубийства или объявить раз навсегда самоубийство безнравственным, где люди иногда потому кончают самоубийством, что не могут иначе жить чем безнравственно, и самоубийство в таком случае, как преследующий моральную цель поступок, волей неволей приходится считать истинным моральным актом!

Как раз у Горького одним из многих мотивов покушения на самоубийство были преступления против морали, как он, Горький, ее понимал. Однако, для того, чтобы оценить как следует покушение Горького на самоубийство в психиатрическом смысле и во всех других отношениях, и для того, чтобы доказать, что tentamen Suicidii Горького есть проявление той суицидомании, которой он страдал по крайней мере 1—2 месяца, нам необходимо познакомиться с некоторыми литературными произведениями Горького, которые рисуют нам жизнь, характер и душевные переживания автора до и в период времени непосредственно предшествовавший покушению на самоубийство.

О самом факте покушения на свою жизнь, Горький в «Моих университетах» сообщает следующее:

«Купив на базаре револьвер барабанчика, заряженный четырьмя патронами я выстрелил себе в грудь, рассчитывая попасть в сердце, но только пробил легкое, и через месяц очень сконфуженный, чувствуя себя до нельзя глупым, снова работал в булочной».

Что касается мотивов покушения своего на самоубийство, то Горький о них пишет:

«Я пробовал описать мотив этого решения (убить себя) в рассказе «Случай из жизни Мекара». Но это не удалось мне—

рассказ вышел неуклюжим, неприятным и лишенным внутренней правды. К его достоинствам следует отнести—как мне кажется—именно то, что в нем совершенно отсутствует эта правда. Факты правдивы, а освещение их сделано, как будто не мною и рассказ идет не обо мне. Если не говорить о литературной ценности рассказа—в нем для меня есть нечто приятное.—как будто я перешагнул через себя.

Прочитав рассказ «случай из жизни Макара» *), я мог легко убедиться, что Горький напрасно наклеветал на этот драгоценнейший документ для изучения его юности, объявив его лишенным внутренней правды. Я в Макаре до того точно узнал того самого Максима Горького, с жизнью которого я знакомился в «Моих университетах», что для меня не могло существовать никакой тени сомнения в том, что Макар это точная копия юного *Максима Горького*, тогда еще только *Пешкова*, что я ни минуты не сомневался в достоверности научной обработки фактов, сообщенных Горьким в «Случае из жизни Макара», как таковых его личной жизни, чего Горький, между прочим, сам не отрицает. Что касается сомнительной внутренней правды, то я старался пополнить, корригировать и осветить факты «Случая из жизни Макара» такими из «Моих университетов», так что если действительно были в жизни Макара, как это утверждает *Горький*, некоторые неправильно освещенные пункты и не в той мере правдивые, как бы этого хотел сам *Горький*, то они, я смею надеяться, получили под моим пером настоящую свою правдивость и мы здесь будем читать истинную научно обоснованную историю суицидомания Горького.

Что представлял собой юноша Пешков (Максим Горький в годы своего расцвета, когда душу его не терзали гибельные мысли о самоубийстве?

Несомненно перед этим (решением застрелиться) он (Макар) чувствовал жизнь интересной, обещающей открыть множество любопытного и важного, ему казалось, что все явления жизни манят его разгадать их скрытый смысл.

Ежедневно с утра до ночи тянулись они одно за другим) как разнообразно кованные звенья бесконечной цепи: глупо—смеялось жестоким, наивное—хитрым, было много скотского не мало звериного, и—вдруг трогательно выплывает солнечной улыбкой что-то глубоко человеческое—«наше», как называл Макар эти огоньки добра и красоты, которые, лаская сердце великою надеждою, зажигают в ней жаркое желание приблизить будущее, заглянуть в его область неизведанных радостей.

Жизнь была подобна холодной весенней ночи, когда в небе быстро плывут изорванные ветром клочья черных облаков, рисуя взору странные фигуры, и внезапно между ними в мягкой глубокой синеве проблеснут ясные звезды, обещаая на завтра

*) Последний рассказ III т. (стр. 320—351) полного собрания сочинений Горького,—издательства ГИЗ. Ленинград—Москва 1924

светлый солнечный день. Был Макар здоров и как всякий здоровый юноша любил мечтать о хорошем—жизно в нем крепкое чувство единства и родства с людьми.

В каждом человеке он хотел вызвать веселую улыбку, бодрое настроение; это ему часто удавалось и в свою очередь повышая его силы, углубляло ощущение единства с окружающим.

Он много работал и не мало читал, всюду влагая горячее увлечение. Хорошо приспособленный природою к физическому труду, он любил его, и когда работа шла дружно, увлеченно—Макар как будто бы пьянел от радости, наполняясь веселым сознанием своей надобности и жизни, с гордостью любил результаты труда.

Он умел и других зажечь таким же отношением к работе и, когда усталые люди говорили ему:

— Ну чего бесишься? Ведь хоть на двое переломись—всего не сделаешь!

Он горячо возражал:

— Сделаем, а там гуляй свободно!

И верил, что если убедить людей дружно взяться за работу самоосвобождения—они сразу могли бы разрушить, отбросить в сторону все тесное, что угнетает, искажает их, построить новое, переродиться в нем, наполнить жили новую кровью, и тогда наступит новая, чистая, дружная жизнь.

Чем больше он читал книг и внимательно смотрел на все, медленно и грязно кипевшее вокруг,—тем острее и горячее становилась эта жажда чистой жизни, тем яснее видел он необходимость послужить великому делу обновления!

Вот чем был юноша Горький!

Это был *идеально настроенный юноша*, который, видя всю грязь жизни, хорошо зная все недостатки людей, *умел любить жизнь и людей таковых, каковы они есть*. Великое умение, которое так легко давалось юноше *Горькому*, потому что он владел необыкновенной физической силой и живым умом, и эти давали ему чувство возможности построить «в ну» новую жизнь и вселяли в нем надежду превратить грязное и порочное в идеал чистоты, красоты и добродетели.

Однако, идеализм *Горького*, как это часто бывает с идеализмом неопытных юношей, обманутых иллюзией необыкновенных своих физических и моральных сил, сделался причиной душевного расстройства, развитие которого *Горький* нам рисует как следует:

«Каждое сегодня принималось им (Макаром) за ступень к высокому завтра, завтра, уходя все выше, становилось все более заманчивым, и Макар не чувствовал, *как мечты о будущем отводят его от действительного сегодня, незаметно отделяют его от людей* *).

*) Все в т. к. *Горького* курсивом выделенные места, подчеркнуты мной, а не Горьким.

Этому сильно помогали книги: тихий шелест их страниц, шорох слов, точис шопот заклдованного ночью леса или весенний гул полей, рассказывал опьяняющие сказки о близкой возможности царства свободы, рисовал дивные картины нового бытия, торжество разума, всекие победы воли.

Уходя все глубже в даль своих мечтаний, Макар долго не ощущал, как вокруг него постепенно образуется холодная пустота. Книжное незаметно заслоня жизнь, постепенно становилось мерилом его отношений к людям и как бы пожирало в нем чувство единства со средою, в которой он жил, а вместе с тем, как таяла это чувство—*таяла выносливость и бодрость, насыцавшие Макара.*

Сначала он заметил, что люди как будто устают слушать его речи, не хотят понимать его и в тоже время в нем явилось *повелительное тяготение к одиночеству.* Потом каждый раз, когда его мнению оспаривались или кто-нибудь осмеивал их наивность, он стал испытывать *ничто близкое обиде на людей.* Его мысли дорого стоили ему, он собирал и копил их в тяжелых условиях, бессонными ночами за счет отдыха от дневного труда. Был он самучка и ему приходилось затрачивать на чтение книг больше усилий, чем это нужно для человека, чей ум приспособлен к работе с детства школой.

Утратив ощущение равенства с людьми, среди которых он жил и работал, но слишком живой и общительный для того, чтобы долго вынести одиночество, Макар пошел к людям другого круга, но в их среде еще более—и даже органически чуждой ему, он не встретил того что искал, да он и не мог бы с достаточной ясностью определить, чего именно ищет.

Он просто чувствовал, что в груди его образовалось темное холодное зияние, откуда, как из глубокой ямы, по жилам растекается, сгущая кровь, незнакомое, тревожное чувство усталости, скуки, острое недовольство собою и людьми).

Уже в этих описанных Горького ясно чувствуется, что со здоровым, жизнерадостным, человеколюбивым юношей Горьким начали происходить серьезные изменения, которые ведут к полному метаморфозу его характера и всей его психической сущности в смысле развития выраженного психопатического состояния. Развивается у Горького *очень опасный аутизм,* состоящий в полной потере смысла реального и замене мира действительного, «действительного сегодня», как говорит Горький вычитанными в книгах утопиями, «дивными картинами нового бытия», которое он не может сделать ясным ни себе, ни другим людям. Горький терит природную свою общительность, чувствует *непреодолимую склонность к одиночеству,* которое для него тем губельнее, что оно способствует развитию его аутизма и мизантропии, выражающейся пока что, в остром недовольстве людьми, в «обиде на людей». Тают у Горького его выносливость и бодрость, главным образом в бесплодной борьбе за идеалы, которые из за интеллектуальной слабости юноши Горького не

яны ему самому и вокруг и внутри его образуется «холодная пустота», «темное холодное влияние», которые он не в состоянии чемнибудь выполнить. Находясь в таком жалком состоянии полного душевного развала, Горький ищет спасения у людей высшего круга, но «люди нового круга были еще более книжны, чем он, они дальше его стояли от жизни, им многое было непонятно в Макаре, он тоже плохо понимал их сухой книжный язык, стеснялся своего непонимания, не доверял им и боялся, что они заметят это недоверие.

У этих людей была неприятная привычка: представляя Макара друг другу они обыкновенно вполголоса или шепотом, а иногда и громко, добавляли:

— Самоучка... Из народа...

Это тяготило Макара, как бы отодвигая его на какое-то особое место. Однажды он спросил знакомого студента:

— Зачем вы всегда говорите, что я самоучка, что я из народа и подобное?

— Да ведь это же «батя, факт!».

Здесь место осветить детальнее отношения юноши Горького к интеллигенции вообще и к студентам в частности для того, чтобы получить ясное представление о том, какую роль сыграли эти отношения в развитии психопатического состояния Горького, кончившегося суицидоманией.

Читая «Мои университеты», мы можем легко убедиться, что студенты для Горького были высшие люди, и он их долгое время обоготоворял. Он буквально жил и работал для студентов, защищая их всечаски от нападков своих товарищей, которые были нередко не просто идейные, а физические ощутимые кулачные удары. Студенты были долгое время для Горького идеальные люди, мысли о которых помогали ему заполнять ту душевную пустоту, которая его так ужасала. Но как ни старался Горький уберечь этот свой идеал от поругания, ему это не удалось, и ему даже самому пришлось развенчать свой идеал, особенно после следующего случая.

Юноша Пешков посещал время от времени со своими товарищами, пекарями, дома терпимости, где Пешков впрочем на лишал себя, по его словам, невинности. Однажды экономке дома терпимости рассказала пекарям следующе: «Самый ж непонятный народ, это, обязательно, студенты академии, да. Они такое делают с девушками: велят помазать пол мылом, поставят голую девушку на четвереньки, руками и ногами на та, режки и толкают ее в зад—далеко ли уедет по полу? Так—одну, так и другую. Вот. Зачем это?».

После этого рассказа пекари поклялись избить студентов, и у Пешкова в первый раз не хватило духу защищать студентов, к которым он после этого мало по малу совсем охладел. Это было как раз в то время, когда идеалы Горького рушились один за другим, и он все больше и больше чувствовал одну только

пустоту жизни и людей. Понятно, поэтому, что «как бы там ни было,—в этой среде Макар не мог укрепить свою *заболевшую душу*. Он пробовал что-то рассказывать о затмении души, был непонят и отошел прочь без обиды—с ясным ощущением своей ненужности этим людям. Первый раз за время своей сознательной жизни, он ощутил эту ненужность, было ново и больно.

Потом вероятно *сказалось переутомление*, отозвались ночи без сна, волнующие книги, горячие беседы,—Макар стал чувствовать себя физически вялым, а в груди всегда что-то трепетало, нервы как будто проколов кожу, торчали поверх нее, точно иглы, и каждое прикосновение к ним болезненно раздражало.

Макару было 19 лет, он считал себя неутрачено сильным, никогда не хворал, любил немножко похвастаться своею выносливостью, а теперь он стал противен сам себе, стыдился своего недомогания, стараясь скрыть его, едко осуждал сам себя, но все это плохо помогало, и тревога, ослабляющая душу, становилась тяжелей...

В то же время *он почувствовал себя влюбленным*, но—не мог понять в кого именно: в Таню или в Настю, ему нравились обе. Полногрудая, высокая и стройная приказчица Настя только что окончила учиться в гимназии, радуясь свободе, она весело и ясно улыбалась всему миру большими, темными, как вишни, глазами и показывала белые, плотные зубы, как бы заявляя о своей готовности съесть множество всяких вкусных вещей. Таня была маленькая, голубоглазая, белая, точно маргаритка; она со всеми говорила ласково, слабеньким, однообразно звеневшим голосом, мягкими, как вата, словами и смеялась тихим тающим смехом.

Макар не скрывал своих чувств перед ними и это одинаково смешило подруг—они были веселые. Он же подходил к ним как бездомный иззябший человек подходит зимой ночью греться около костров, горящих на перекрестках улиц, ему думалось, что эти умненькие девушки могут та или другая, все равно—сказать ему какое то свое, женское ласковое слово, и оно тотчас рассеет в его груди подавляющее чувство отброшенности, одиночества, тоски.

Но они шутили над ним, часто напоминая ему о его 18 годах и советуя читать серьезные книги, а усталая голова Макара уже не воспринимала книжной мудрости, наполняясь все более темными думами.

Мы видим таким образом, что неудачи юноши Горького копились фатальным для него образом и неминуемо должны были вести к катастрофе. *Горький* ищет спасения от раз'едающего его червя отчаяния в любви и думает, что одно ласковое слово любимой женщины, спасет его от губельного для него в это время чувства одиночества и заброшенности. Однако, это слово не приходит, и *Горький* погружается в темные думы.

«Их было бесконечно много, они как будто бы давно уже прятались где-то глубоко в нас и везде вокруг него; ночами они поднимались со дна души, ползли из всех углов, точно пауки, и все более отъединяя его от жизни, заставляли думать только о себе самом. Это были даже не думы, а бесконечный ряд воспоминаний о разных обидях и царялинах в свое время нанесенных жизнью и казалось так хорошо забытых, как забывают о покойниках. Теперь они воскресли, оживились, непрерывно бился их хоровод—тихая торжествующая пляска; все они были маленькие, ничтожные, но их—много и они легко скрывали то хорошее, что было пережито среди них и вместе с ними.

Макар смотрел на себя в темном круге этих воспоминаний, поддавался внушениям и думал:

— Никуда не похжусь. Никому не нужен».

Эти болезненные мысли о своей ненужности были может быть самыми страшными и самыми мучительными для юноши *Горького*. Насколько глубоко они засели в юном, больном уме *Горького*, и как терзали они его больную душу можно судить по другому его весьма важному для биографии *Горького* и для изучения его личности рассказу: «Макар Чудра» (1892) *). Цыган Макар Чудра это *вариация Макара* из рассказа: «Случай из жизни Макара» и под цыганом Макаром надо разуметь того же юношу *Горького*, покушавшегося на девятнадцатом году своей жизни на самоубийство. Доказательством этого моего предположения, являющегося для меня лично неопровержимой истиной, я вижу в следующих моментах. 1) Макар Чудра, сидевши в тюрьме, тоже покушался на свою жизнь, правда, через повешение, и развивает философию самоубийства, коренящуюся главным образом в убеждении *ненужности человека*. 2) Макар Чудра—цыган, *цыган же у Горького символ пекаря*. Рассказывая в «Случае из жизни Макара» о том, как его посетил в больнице, где он лежал раненый после неудачного покушения на свою жизнь, один из его товарищей пекарей, он его сравнивает с цыганом. Горький же, как известно, был в юности пекарем, а потому неудивительно, что он себя изображает в лице цыгана. Наконец, в 3) я не могу видеть простую случайность в том, что покушавшийся на самоубийство цыган Макар Чудра, развивавший философию ненужности человека, как главное оправдание самоубийства, назывался Макаром, а не каким либо другим именем. Не может таким образом быть сомнения, что Макар Чудра *идейно* есть тот же Макар, что и в «Случае из жизни Макара», и *Горький*, очевидно оставшийся на всю свою последующую жизнь очень заинтересованным тем состоянием звоей души, которое повело его в юности к самоубийству, пытался впервые дать в Макаре Чудре описание этого своего состояния и выдвинул один только момент своей ненужности, который особенно

*) Первый рассказ первого тома полного собрания сочинений *Горького* Гиз. 1924.

мучительно отзывался на душевном его состоянии, и может быть в первую очередь повел Горького к самоубийству. Впрочем, пожалуй, что нет, ибо *Горький* пишет в «Случае из жизни Макара»:

«А вспомнил горячие речи, которыми он еще недавно оглушал людей подобных себе, внушая им бодрость и буди надежды на лучшие дни, вспомнив хорошее отношение к нему, которое вызывали эти речи, он почувствовал себя обманщиком и — тут решил застрелиться.

Вот мы пришли к тому факту в истории развития суицидологии *Горького*, который служил нам исходным пунктом изучения этой истории: преступление против морали, пункт, который по *Горькому* имел решающее значение и окончательно определил его образ действий. Мы видим, что преступление это вряд ли может квалифицироваться таковым, и, юридически говоря, никакие преступления за *Горьким* к тому времени не велись. Однако, *Горький* находился в таком болезненном состоянии, что его разгоряченная фантазия делала, как говорят, «из мухи слона». Мы, поэтому, не удивимся, что «преступление» имело решающее значение в tentamen suicidii *Горького*.

К счастью, можно теперь сказать, для всей России, самоубийство *Горького* кончилось неудачей, и России суждено видеть еще одного из гениальных своих сыновей успешно оплодотворяющим и по наши дни славолюбивые поля русской словесности.

* * *

Если мы теперь, окончивши анализ всех тех обстоятельств, которые вели юного *Горького* к покушению на самоубийство, попытаемся охарактеризовать то душевное состояние, в котором *Горький* находился последнее время перед покушением на свою жизнь, то мы без всяких оговорок принуждены будем сказать, что *Горький* был к тому времени душевно больной человек и страдал психозом, который в немецкой психиатрии известен под именем Erschöpfungssychose — по-русски *психоз изнурения или истощения*. Данные к тому, что психоз *Горького* развился на почве переутомления и изнурения сил имеются в «случае из жизни Макара», где *Горький* рассказывает, что он работал дено и ношно не отдыхая, то физически, то умственно, напрягаясь чересчур при этой последней работе, и что переживал сверх того сильные душевные потрясения, стараясь привить свои идеи другим людям и терпя при этом нередко полную неудачу. В результате сверхчеловеческих усилий *Горького* работать физически и умственно без отдыха, так что он вызвал всеобщее удивление, и его упорный труд определяли как «бешенство» (— Ну чего бесишься? Ведь хоть на двое переломись — всего не сделаешь!), вся его нервная система нагнулась до возможного максимума, нервы, как образно выражается *Горький*, от крайнего натяжения как будто превратились в острые прово-

лони, которые прокололи кожу, торчали вверх все, точно иголки, и каждое прикосновение к ним болезненно раздражало.

Такое напряжение и перетяжение нервов ничем другим не могло окончиться, как последующим их крайним ослаблением с полным лишением способности спать натягиваться и притти в состояние напряжения, необходимого для успешной человеческой деятельности. У юного пикари Пешкова-Горького интеллектуальная сторона, как более слабая, потерпела первая, и слабый ум Горького отказался ему повиноваться. Его ум ничего больше не воспринимал, Пешков-Горький не был в состоянии читать, не мог продолжать ту общественную работу, которую он вел, а в связи с этим у него *развилось весьма опасное чувство своей недостаточности, своей непригодности, не-к-чемности, своей ненужности, наконец.* Это весьма болезненное чувство получало тем больше пищи, что у Горького в связи с невозможностью продолжать прежнюю общественную свою деятельность развился аутизм и повелительное тяготение к одиночеству, и чувство заброшенности непременно должно было выращивать самые горькие плоды отчаяния у человека, видевшего весь смысл жизни в беспреставной шумной работе в кругу сильных умом и телом людей на благо таких же выдающихся других людей. Измученный трудом, больной ум юного Пешкова-Горького не мог навести его снова на путь благополучия, мысли одна другой черней затемняли давно потерявший свой жизненный блеск ум и Пешков-Горький не видел перед собой другого исхода, как ускоренную самоубийством окончательную смерть...

Нам теперь совершенно ясны корни покушения на самоубийства Горького, которые таились в тяжелом психове истощения. Если я в заглавии и много раз в моих рассуждениях о *tentamen suicidii* Горького говорю не просто о попытке покончить самсубийством, а о *суцидомании Горького* так это из-за того, что мы у Горького имеем дело не с мимолетным скоропреходящим влечением к самоубийству, а с глубоко вкоренившимся желанием, мучившим Горького еще долгое время после того, как ему не повезло и в самоубийстве. Об этом свидетельствуют следующие отрывки из «Случая из жизни Макара» (после самоубийства), которые я привожу один за другим в хронологическом их порядке.

«О смерти не думалось—Макар был спокойно уверен, что как только представится удобный случай—он убьет себя. Теперь это стало более неизбежным и необходимым, чем было раньше: жить больным, изуродованным, похожим на этих людей (больных)—нет смысла.

«Ему казалось, что это решение его сердца, но в то же время он чувствовал что-то другое, молча, но все более настоятельно спорившее с этим решением: он не мог понять—что это? И беспокоился, стараясь незаметно подсмотреть лицо назревающего противоречия».

— Зачем он приходил,—думал Макар, когда татарин ушел.

— Зачем?

Искать ответа на этот вопрос было приятно.

Он чувствовал себя с каждым днем все более здоровым, а в душе становилось все темнее и запутаннее и как-то незаметно для него—мысль о смерти переселилась из сердца в голову. Там она легла крепко, об ее черный угол разбивались все другие мысли, ее тяжкая тень легко и просто покрывала собою все вопросы и все желания.

— Зачем жить?—думал Макар, и она тотчас подсказывала свой простой ответ:

— Незачем.

— Что делать?

— Нечего. Ничего не сделаешь.

Ночами, когда все спали, он, открыв глаза, думал о том, как все вокруг обидно, противно, жалко—главное же обидно, унижительно. Как хорошо было бы, если бы в жизнь явились упрямые, упругие люди и сказали бы всему этому:

— Не хотим ничего подобного. Хотим, чтобы все было иначе.

Он не представлял как именно иначе, но отчетливо видел: вот, сердятся, волнуются, кишат спокойные люди, решившие все вопросы, подчинившиеся своей привычке жить по правилу, избранному ими; этими правилами, как топорами, они обрубали живые ветви разнообразно цветущего древа жизни, оставляя сучковатый, изуродованный, ограбленный ствол, и он был воистину бессмыслен на земле!..

Было хорошо думать об этом, но когда Макар вспоминал свое одиночество—картины желанной, бурной, боевой жизни становились тусклыми, мысли о ней вяло блекли, *сердце снова наполнялось ощущением бессилия, ненужности.*

И в презрении к себе самому снова разгоралась мысль о смерти. Но теперь она уже не изнутри поднималась, а подходила извне, как будто от этих людей, которые всеми своими словами победно говорили ему:

— Ты—выдуманый человек, ты никуда не годишься, ни на что не нужен, и ты глуп, а вот мы—умные, мы—действительные, нас—множество и это нами держится вся жизнь.

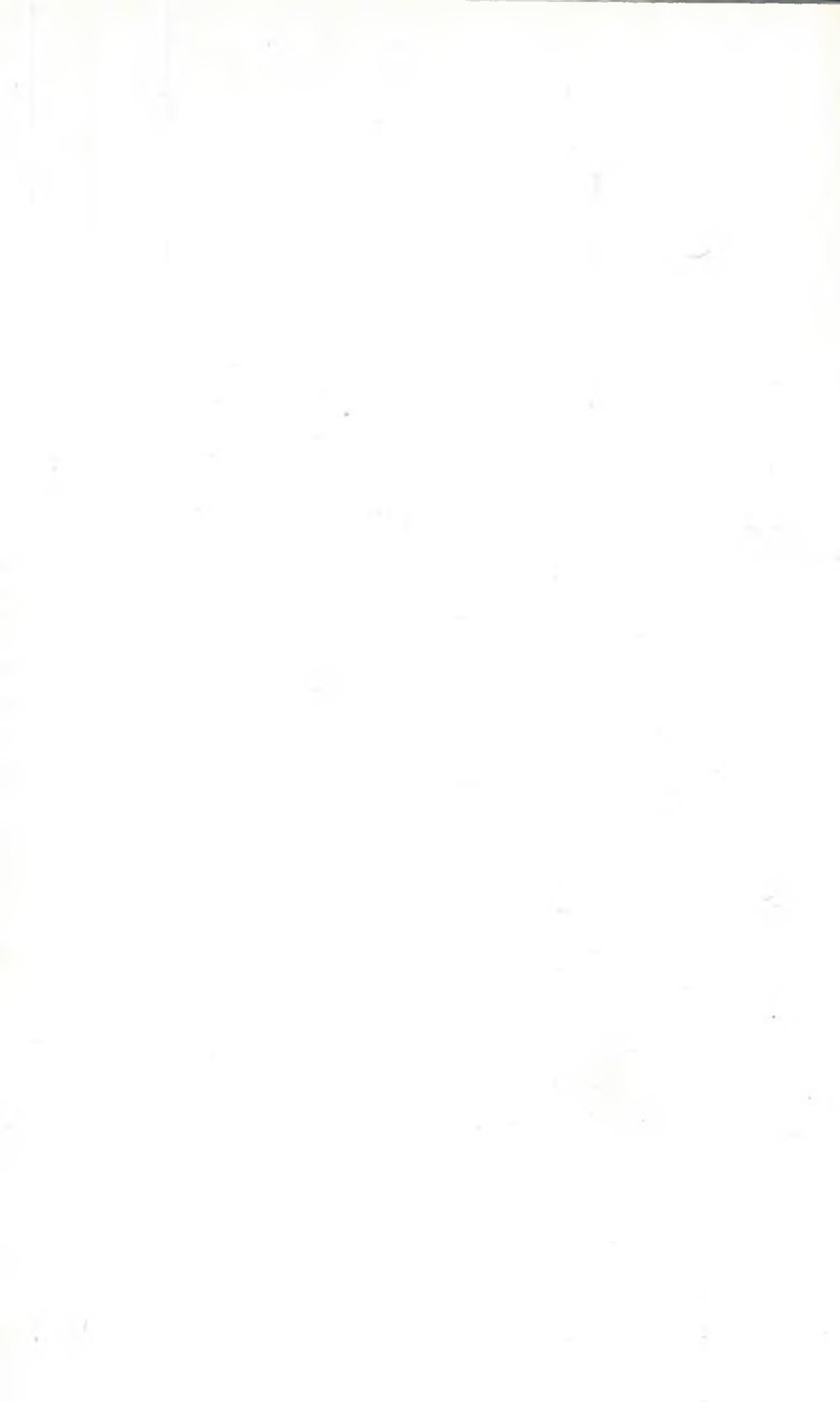
Они все дышали этой мыслью, они улыбались ею, снисходительно высмеивая Макара, она истекла из их глаз, была такая же гнилая, как их лица, грозила отравить.

Макар угрюмо молчал...

Так боролся юный Пешков-Горький со смертью, с мыслью о самоубийстве, долго боролся, тяжело боролся, пока не победил каким-то чудом свою болезнь и вернулся к новой, впоследствии столь славной жизни!

* * *

Горький осудил впоследствии самоубийство, как «унизительную глупость», и ушел, таким образом, далеко от всех тех писателей, философов и ученых, которые старались найти какое-либо оправдание самоубийству. А психиатр, ознакомившись с деталями истории суицидомании *Горького*, должен еще раз серьезно задуматься над вопросом: Не коренится ли прогивоестественный акт самоубийства в тяжелом психическом расстройстве самсубийцы и не есть ли каждый самоубийца, по просту говоря, душевно больнои человек?

О психопатологии сновидной жизни (Traumleben) Максима Горького.

О двух снах Максима Горького и толковании их Львом Николаевичем Толстым.

Д-ра И. Б. Галапт. (Москва).

О психопатологии сновидной жизни человека как таковой— или об отдельных патологических снах в психиатрической и психоаналитической литературе до сих пор не было речи. С тех пор, как, благодаря психопатологической школе, познали особую важность психоанализа снов, как вспомогательного средства при изучении и лечении психоневрозов, многие авторы занялись изучением снов, подтверждая в общем точку зрения Фрейда, что сны, «пользуясь» особым механизмом, т. е. Traumarbeit («сновидная работа») дают выражение, главным образом, в символах и символических образах, тем бессознательным и подсознательным страстям, которые волнуют больную душу психоневротика, не находящего возможности удовлетворить в жизни свою больную, им не опознанную страсть, что и порождает, как единственный патогенный момент, психоневроз. Во сне же, когда «цензура», препятствовавшая в жизни прямому удовлетворению извращенных похотей больного, отпадает, бессознательная жизнь индивида находит возможность пробить себе дорогу наружу, и сновидная работа вступает в свои права, осуществляя нередко в самых bizarрных снах, то, о чем невротик у себя в жизни не мог даже думать наяву.

При таком, как неоднократно доказано, правильном взгляде на сновидение, это последнее по отношению к мышлению представляет безусловно патологическую форму душевной жизни человека: Сам же по себе сон есть нормальное, физиологическое явление, т. е. нет почти людей, которые никогда не имели бы сновидений, а зоопсихология утверждает, что даже животные и те имеют сны...

Никому из психопатологов не приходило в голову отличать патологические сны от нормальных, непатологических снов, т. е. каждый сон, смотря по тому, с какой точки зрения он рассматривается есть явление нормальное и патологическое в одно

и то же время. Я сам не пришел бы на идею говорить о патологических сновидениях, если бы не навел меня на эту мысль *Лев Николаевич Толстой*.

Однажды *Л. Н. Толстой* просил *Горького* рассказать ему самые страшные свои сны. *Горький* долго напрягал свою память и мог, наконец, вспомнить два следующих сна, которые он один за другим рассказал *Толстому*.

Первый сон.

Однажды я видел какое-то золотушное, гниленькое небо, зеленовато-желтого цвета, звезды в нем были круглые, плоские, без лучей, без блеска, подобные болячкам на коже худосочного. Между ними по гнилому небу скользила, не спеша, красноватая молния, очень похожая на змею, и когда она касалась — звезда тотчас набухая становилась шаром и всплывала беззвучно, оставляя на своем месте темненькое пятно точно дымок, — оно быстро исчезало в гнилом, жидком небе. Так одна за другой полопались, погибли все звезды, небо стало темней, страшней, потом — всклубилось, закипело и, разрываясь в клочья, стало падать на голову мне жидким студнем, а в прорывах между клочьями являлась глянцевитая чернота кровельного железа.

Выслушав этот сон *Горького* *Лев Николаевич* сказал:

— Ну, это у вас от ученой книжки, прочитали что-нибудь из астрономии, вот и кошмар. А другой сон?

Второй сон.

Снежная равнина, гладкая, как лист бумаги, нигде ни холма, ни дерева, ни куста, только чуть видны, высовываются из-под снега редкие розги. По снегу мертвой пустыни от горизонта к горизонту стелется желтой полоской едва намеченная дорога, а по дороге медленно шагают серые валяные сапоги — «пустые».

Толстой заметил к этому сну:

— Это страшно! Вы, в самом деле, видели это, не выдумали? Тут тоже есть что-то книжное.

И вдруг, как будто, рассердился, заговорил недовольно, строго, постукивая пальцем по колену.

— Ведь, вы не пьяный? И не похоже, чтоб вы пили много когда-нибудь. А в этих снах все-таки есть что-то пьяное. Был немецкий писатель Гофман, у него ломберные столы по улицам бегали, и все в этом роде, так он был пьяница, — «калаголик», как говорят грамотные гучера. Пустые сапоги идут — это, вправду страшно! Даже, если Вы и придумали — очень хорошо! Страшно!».

Говоря еще в этом духе о ломберных столах Гофмана, бегущих по Тверской, *Толстой* сказал еще *Горькому*:

— Вы сблизаетесь, что сны ваши показались мне книжными. Не обижайтесь, я знаю, что иной раз такое не заметно выдумасшь, что нельзя принять, никак нельзя, и кажется, что во сне видел, а вовсе не сам выдумал. Один старик помещик рассказывает, что он во сне шел лесом, вышел в степь и видит: в степи два холма, и вдруг они превратились в женские титки, а между ними приподнимается черное лицо, вместо глаз на нем две луны, как бельма, сам он стоит уже между ног женщины, а перед ним—глубокий черный овраг и—всасывает его. Он после этого сесть начал, руки стали трястись, и уехал за границу к доктору Кнейшу лечиться водой. Этот должен был видеть что-нибудь такое—он был распутник».

„Похлопал меня по плечу“

«— А вы не пьяница и не распутник—как же это у вас такие сны?».

— Не знаю».

«— Ничего мы о себе не знаем!».

Из рассказа *Горького* мы видим, что *Толстой* никак не мог поверить, что *Горький* сообщил ему настоящие сны, а не какие-либо фантазии, вычитанные в книгах—до того сны *Горького* показались ему неестественными и не соответствующими истинной природе *Горького*. Сны *Горького*, особенно второй его сон, должны были бы по *Толстому* присниться пьянице или распутнику и ничуть не *Горькому*, который вел трезвый образ жизни, и за которым не отмечались никакие эксцессы не только in basso, но и in venere. А что *Толстой* действительно понимал, что такое сон и как следует толковать сны видно из того сна старого помещика, который он сопоставляет сном *Горького*, и который представляет собой образец настоящего символического сексуального сна. В этом сне земля отождествляется с женщиной (*мать земля!*) два холма земли представляют груди женщины; глубокий черный овраг есть в этом сне вне всякого сомнения символическое обозначение влагалища, и помещик «всасывающийся» в овраг—совершает символически во сне coitus. Такой символический сексуальный сон есть вполне нормальный типичный сон для развратника, как правильно отмечает *Толстой*. У *Горького* такой сон должен был бы считаться, как думает *Толстой*, в такой же мере патологичным, как и два других сообщенных *Горьким* сна. *Толстой* задается вопросом: Откуда же у *Горького* такие патологические сны, и на ответ *Горького*: «Не знаю», *Толстой* пессимистически восклицает: «Ничего мы о себе не знаем!».

Толстой имел право быть так пессимистически настроенным, ибо, не зная всех подробностей жизни *Горького*, он никак не мог разрешить загадку несмотря на то, что он чувствовал и был убежден, что имеет у *Горького* дело с патологическими снами. Для нас же загадочность патологических снов *Горького* разрешается самым простым образом, что дает нам повод думать, что пессимизм людей в общем не имеет своего оправдания.

Стоит нам вспомнить делирий Максима Горького *) во всех его подробностях, чтобы поразиться до чего доходит сходство рассказанных *Горьким Толстому* снов с некоторыми фантазиями этого делирия. Первый сон имеет сходство с фантазией о разрушении неба (I. pg. 51) в делирии, а второй сон с фантазией того же делирия, где идут человеческие ноги, каждая отдельно от другой (I. с. pg. 48.). Во сне идут вместо ног валяные сапоги, т. е. те же ноги, ибо во сне, обув часто символически обозначает те части тела, которые покрываются обувью или одеждой (фетишизм!).

Фантазии делирия, как исключительные, потрясающие до мозга костей фантазии, особенно запечатлелись в уме *Горького*, который о них поэтому часто вспоминал, и, как это обыкновенно бывает в таких случаях, фантазии эти повторились с некоторыми вариациями во сне, еще более врезавшись в память *Горького*, который их уже больше никогда не забывал!

Нам теперь ясна этиология двух выше приведенных патологических снов *Горького*. Сны эти патологичны, ибо они имеют свой корень в патологическом процессе — в делирии. И мы должны удивляться проницательности *Льва Толстого*, который, не будучи психиатром, совершенно правильно определил сны *Горького*, как патологические, как сны пьяницы! Даже в этой последней детали *Толстой* не ошибся, ибо алкогольный делирий нередко может в некоторых деталях походить на лихорадочный или инфекционный делирий. Жаль, что *Горький* не догадался рассказать *Толстому* о своей душевной болезни 1889—1890 г. *Толстой* безусловно нашел бы тотчас же связь между «пьяными» снами *Горького* и его делирием, и *Горький* спас бы *Толстого* от того пессимизма, который им лишний раз овладел. Жаль также, что нет больше *Толстого в живых*, и мы поэтому не можем доказать ему насколько бесплоден и несправедлив пессимизм людей!..

*) Галант, И. Б. Делирий Максима Горького. Клинический Архив гениальности и одаренности III. I. В. 2. Стр. 47. патографического отдела. 1925.

Издательство „НАУЧНАЯ МЫСЛЬ“ в Харькове.

Открыта подписка

9-й год издания

на 1926 год

9-й год издания

на двухнедельный научный медицинский журнал

„ВРАЧЕБНОЕ ДЕЛО“

с бесплатными приложением „АСТА MEDICA“

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

на 1 год	16 руб.
» 6 мес.	6 »
» 3 мес.	4 »

Цена отдельн. номера—60 коп. ♦ Цена двойного номера—1 руб.

Подписная плата за границу—двойная ♦ За перемену адреса—30 к.

При годовой подписке допускается рассрочка на 3 срока: 1-й—при подписке, 2-й—к 1 марта и 3-й—к 1 мая; при подписке на 6 месяцев—рассрочка на 2 срока: 1-й при подписке, 2-й—1 марта по 3 руб. каждый.

Во избежание в дальнейшем недостачи первых №№, Издательство просит подписчиков присылать подписку обязательно до 15 го декабря 1925 г.

ЦЕНА ОБЪЯВЛЕНИЙ:

В России:	За границей:
За 1 стр. после текста 200 руб.	За 1 стр. после текста 70 долл.
„ 1/2 „ „ „ 100 „	„ 1/2 „ „ „ 40 „
„ 1/4 „ „ „ 50 „	„ 1/4 „ „ „ 25 „
„ 1/8 „ „ „ 25 „	„ 1/8 „ „ „ 15 „

Объявления на обложке на 50% дороже. — Сверх тарифа взимается 10% ввоза по постановлению СНК.

Исключительное представительство на Москву и прилегающие губернии предоставлено Левенбук—Москва, Земляной вал, 6, кв. 10.

Все запросы, денежные переводы и объявления адресовать:

**Харьков, Пушкинская, 14, контора
Издательства «НАУЧНАЯ МЫСЛЬ».**

Все обязательства перед подписчиками 1925 года выполнены.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1926 ГОД НА ЖУРНАЛ „ПРОФИЛАКТИЧЕСКАЯ МЕДИЦИНА“

V-й год издания.

Журнал выходит под редакцией коллегии: С. И. Канторович, А. Н. Марзеев, Л. Д. Ульянов, А. И. Пыжев, С. И. Златогоров, С. А. Томидян, А. И. Ширман, Н. А. Либерман, Е. А. Федер и Л. Л. Гипцтон (секретарь).

В ЖУРНАЛЕ ПРИНИМАЮТ БЛИЖАЙШЕЕ УЧАСТИЕ:

Проф. БАРЫКИН—Москва, д-р БАРАНОВ—Н. Николаевск, д-р БУРШТЫН—Харьков, д-р ВРЕГЕР—Берлин, проф. ВУТЯГИН—Томск, д-р БРУСИН—Москва, д-р БРОДСКИЙ—Харьков, проф. ВИНУКОВ—Одесса, д-р ВЛАЙКОВ—Киев, проф. ГАМАЛЕЙ—Ленинград, проф. ГУРЕВИЧ—Москва, д-р ГЛУЗМАН—Харьков, проф. ГРОМАШЕВСКИЙ—Одесса, проф. ГРИНЕВ—Харьков, д-р ГЕРМАН—Свердловск, д-р ГИНЦТОН—Харьков, д-р ГРИГОРЬЕВ—Екатеринослав, д-р ГАБИНОВ—Харьков, ДЕЙЧМАН—Харьков, д-р ДОБРЕЙШЕР—Москва, ЕФИМОВ Д. И.—Харьков, ЕФИМОВ А. И.—Харьков, ЕФИМОВ А. А. Сталино, д-р ЕРМИЛОВ—Харьков, проф. ЕЛИН—Одесса, проф. ЗДРАВОВОСЛОВ—Пермь, проф. ЗАХАРОВ—Москва, проф. ЗАВОЛСТНЫЙ—Ленинград, проф. ЗИЛЬБЕР—Харьков, проф. ЗЛАТОГОРОВ—Харьков, д-р ИГУМНОВ—Харьков, проф. КРОНТОВСКИЙ—Киев, проф. КОРШУН—Москва, д-р КОСТРОМИН—Пермь, проф. КРИЧЕВСКИЙ—Москва, д-р КАНДЫБА—Харьков, КОНДРАТЬЕВ Н. И.—Харьков, проф. КУЛЕША—Севастополь, проф. КИЯНИЦЫН—Винница, д-р КЛЕЙН—Киев, проф. КИСЕЛЬ—Москва, проф. КРУМЕМИЛЛЕР—Екатеринослав, д-р КАГАН—Харьков, проф. МЕЕРСОН—Одесса, д-р МОРОЗОВСКИЙ—Харьков, д-р МАСЛОВСКИЙ—Харьков, д-р МАРЗЕЕВ—Харьков, д-р МАРКОВИЧ—Киев, д-р МИХ—Харьков, проф. НЕШАДИМЕНКО—Киев; проф. ПОДГАЕШКИЙ—Киев, д-р PRINZIG—Берлин, д-р ПЫЖЕВ—Харьков, проф. РУБАШКИН—Харьков, д-р РОЗАНОВ—Киев, проф. ROESLE—Берлин, д-р СОЛОВЬЕВ—Харьков, д-р СТЕПАНОВ—Харьков, д-р СТРАШУН—МОСКВА, д-р ТОМИЛИН—Харьков, д-р УЛЬЯНОВ—Харьков, д-р ФИНКЕЛЬШТЕЙН—Харьков, д-р ФЕДОРОВСКИЙ—Харьков, д-р ФЕДЕР—Харьков, д-р мел. ЦЕХОВИЦЕР—Харьков, проф. ШТЕФКО—Симферополь, проф. ШАСТНЫЙ—Одесса, проф. ШАПШЕВ—Пермь, проф. ФРЕНКЕЛЬ—Ленинград, д-р Б. М. ХМЕЛЬНИЦКИЙ—Харьков и др.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА И ОБЪЯВЛЕНИЯ.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: на год—12 руб., на 6 мес.—6 руб., на 3 мес.—с 2-мя приложениями 3 руб. 50 коп. Отдельный экз.—1 руб. 20 коп.

Участковым и санитарным врачам, лечущим учреждениям—скидка в размере 15 проц. при коллективной подписке не менее 10 экз. книжным магазинам—обычная скидка.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНИЯ:

за целую страницу позади текста—100 руб.,
1/2 стр.—55 руб. и 1/4 стр.—30 руб. и т. д.

Денежные суммы желательно переводить по адресу:
ХАРЬКОВ, УКРАИНБАНК. Текущий счет журнала:
ПРОФИЛАКТИЧЕСКАЯ МЕДИЦИНА № 657.

Адрес редакции и конторы журнала:
Харьков, Пушкинская, 14; Тел. 36-02.

На 1926 год

продолжается подписка
на КЛИНИЧЕСКИЙ АРХИВ

ГЕНИАЛЬНОСТИ И ОДАРЕННОСТИ

(ЭВРОПАТОЛОГИИ)

посвященный вопросам патологии гениально-одаренной личности, а также вопросам одаренного творчества, так или иначе связанного с психопатологическими уклонами.

Выходит отдельными выпусками 4 раза в год под редакцией основателя этого издания д-ра мед. Г. В. Сегалина, преподавателя Урал. Университета, при участии: проф. В. П. Осипова (Ленинград), проф. Г. И. Россолимо (Москва), проф. В. П. Кащенко (Москва), проф. М. И. Асватцатурова (Ленинград), проф. В. К. Хорошко (Москва), проф. С. Н. Давыденкова (Москва), проф. В. А. Гляровского (Москва), проф. А. О. Геймановича (Харьков), доц. Л. М. Розенштейна (Москва), препод. М. П. Цубиной (Москва), д-ра И. Б. Галант (Москва), д-ра К. П. Скворцова Калуж. губ., д-ра Б. К. Гиндце (Москва), д-ра мед. А. С. Шоломовича (препод. Москов. Университета), д-ра Я. В. Минц (Москва), проф. В. М. Экземплярского (Москва), Ал-дра Крейн (Москва) и друг.

Намеченная программа издания:

- I. Отдел общей эвропатологии.
- II. Отдел специальной эвропатологии.
- III. Патографический отдел.
- IV. Эвропатологический архив.
- V. Общий отдел.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

на 1 год—5 руб., на 1/2 года—3 рубля.

Подписка и склад издания: „Практическая Медицина“ Ленинград, проспект Володарского, 49.

Все справки у редактора д-ра Сегалина, Свердловск (б. Екатеринбург), ул. Вайнера № 46.

Цена 1 р. 75 к.

Свердловск, тип. «Гранит»
Акц. О-ва Уралънига.
Уралобллит № 5701.
Зак. № 934. Тир. 1000 экз.

